

**Управление систематизации законодательства и анализа
судебной практики Верховного Суда Российской Федерации**

**Обзор практики *Комитета ООН по правам
ребенка*, связанной с рассмотрением
индивидуальных сообщений**

2023 г.

Содержание

В сфере административно-правовых отношений9

защита прав детей в сфере миграционных отношений9

Дело «*И.Б. и Н.С. против Бельгии*». Соображения Комитета по правам ребенка от 27 сентября 2018 года. Сообщение № 12/2017. Комитет по правам ребенка установил, что государство-участник не провело изучения вопроса о наилучшем обеспечении интересов ребенка в процессе рассмотрения запроса о выдаче С.Е. (ребенок, находившийся на воспитании авторов сообщения в рамках отношения «кафала») визы и в нарушение статей 3 и 12 Конвенции о правах ребенка не обеспечило соблюдение ее права быть заслушанной. Комитет отметил – при оценке и определении способов наилучшего обеспечения интересов ребенка с точки зрения последствий принятия или отклонения заявления на выдачу разрешения на проживание С.Е. в стране государство-участник было обязано принимать во внимание существующие де-факто связи между ребенком и авторами сообщения, которые сложились на основе отношения «кафала». В нарушение статьи 10 Конвенции государство-участник не выполнило свое обязательство рассмотреть заявление авторов, равносильное заявлению на воссоединение семьи, позитивным, гуманным и оперативным образом, обеспечив, чтобы представление такой просьбы не приводило к неблагоприятным последствиям для заявителей и членов их семьи.9

См. также нижеприведенное дело «*Ф.Б. и другие и Д.А. и другие против Франции*». Соображения Комитета по правам ребенка от 8 февраля 2022 года. Сообщения № 77/2019, 79/2019, 109/2019.14

установление возраста ребенка (в сфере миграционных отношений)14

Дело «*А.Л. против Испании*». Соображения Комитета по правам ребенка от 31 мая 2019 года. Сообщение № 16/2017. С учетом обстоятельств данного дела, и, в частности, обследования, проведенного с целью установления возраста автора сообщения, отсутствия у него представителя в ходе этой процедуры и почти автоматического отклонения представленного автором свидетельства о рождении в качестве доказательства, без проведения государством-участником даже формальной проверки его данных и в случае сомнения подтверждения их в консульских учреждениях Алжира, Комитет пришел к выводу, что наилучшие интересы ребенка не были приняты в качестве основного фактора при определении его возраста в нарушение статьи 3 Конвенции о правах ребенка. Комитет отметил, что, даже когда автор представил испанским властям копию своего свидетельства о рождении, содержащую элементы индивидуальности ребенка, государство-участник не обеспечило уважение индивидуальности автора, не придав никакой доказательной силы копии его свидетельства о рождении без предварительного официального изучения компетентным органом данных, содержащихся в свидетельстве, и не уточнив, в качестве альтернативы, эти данные у властей страны происхождения автора. Комитет резюмировал: государство-участник нарушило статью 8 Конвенции о правах ребенка.14

вопросы административного выдворения (депортации)18

Дело «Д.Д. против Испании». Соображения Комитета по правам ребенка от 1 февраля 2019 года. Сообщение № 4/2016. Комитет счел, что с учетом насилия, которому подвергаются мигранты в районе границы с Марокко и неправомерного обращения, с которым столкнулся автор, непроведение перед депортацией несовершеннолетнего автора сообщения оценки возможного риска нанесения ему непоправимого вреда и несоблюдение принципа обеспечения его наилучших интересов являются нарушением статей 3 и 37 Конвенции о правах ребенка. Комитет также пришел к выводу: тот факт, что автор в своем качестве несопровождаемого ребенка не прошел перед депортацией процедуру установления личности и оценки его личных обстоятельств и что ему не была предоставлена возможность опротестовать ее, нарушил его права, предусмотренные статьями 3 и 20 Конвенции. Комитет счел, что то, каким образом автор был депортирован в качестве несопровождаемого ребенка, лишенного семейного окружения, в контексте международной миграции – задержанным и в наручниках, не будучи заслушанным, не получив юридической помощи или помощи переводчика и без учета его потребностей – представляло собой обращение, запрещенное в соответствии со статьей 37 Конвенции.18

Дело «А.М. против Швейцарии». Соображения Комитета по правам ребенка от 22 сентября 2021 года. Сообщение № 95/2019. Государство-участник, зная об отсутствии гражданства М.К.А.Х. (сын автора сообщения), должно было принять все необходимые меры к тому, чтобы удостовериться, что он будет иметь возможность получить гражданство в случае возвращения в Болгарию. Комитет резюмировал, что в случае возвращения в Болгарию права М.К.А.Х. по статье 7 Конвенции о правах ребенка будут нарушены. Комитет принял к сведению утверждение автора о том, что государство-участник нарушило статью 12 Конвенции, поскольку национальные органы не заслушали М.К.А.Х. (которому в тот период было 11 лет) в ходе рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища. Комитет счел - отсутствие прямого собеседования с ребенком представляло собой нарушение статьи 12 Конвенции. С учетом исследованных обстоятельств дела Комитет пришел к выводу: возвращение М.К.А.Х. в Болгарию будет представлять собой произвольное вмешательство в его личную жизнь в нарушение его прав, предусмотренных статьями 16 Конвенции.21

Дело «Е.Б. против Бельгии». Соображения Комитета по правам ребенка от 3 февраля 2022 года. Сообщение № 55/2018. Комитет счел, что, не рассмотрев возможные альтернативы лишению детей свободы при разрешении вопроса о депортации автора сообщения, государство-участник не уделило должного внимания их наилучшим интересам в качестве основного соображения.25

вопросы неисполнения (несвоевременного исполнения) судебных актов, предусматривающих порядок общения родителей с ребенком27

Дело «Н.Р. против Парагвая». Соображения Комитета по правам ребенка от 3 февраля 2020 г. Сообщение № 30/2017. Непринятие государством-участником эффективных мер для соблюдения права дочери автора сообщения на поддержание личных отношений и прямых контактов со своим отцом на регулярной основе лишило ее возможности пользоваться своими правами, закрепленными в Конвенции о правах ребенка. Учитывая конкретные обстоятельства данного дела, в частности длительный период времени, прошедший с момента принятия в 2015 году решения суда, устанавливающего режим общения, и, принимая во внимание юный возраст дочери автора на тот момент, Комитет по правам ребенка резюмировал, что власти

не обеспечили своевременное исполнение решения суда на практике и не приняли необходимых мер для того, чтобы гарантировать общение автора со своей дочерью. Комитет пришел к выводу: это равносильно нарушению статьи 3, пункта 3 статьи 9 и пункта 2 статьи 10 Конвенции.27

вопросы оказания консульской защиты (осуществление государством экстерриториальной юрисдикции)30

Дело «*Ф.Б. и другие и Д.А. и другие против Франции*». Соображения Комитета по правам ребенка от 8 февраля 2022 года. Сообщения № 77/2019, 79/2019, 109/2019. По мнению Комитета по правам ребенка отказ государства-участника защитить детей-жертв, являвшихся гражданами Франции и находящихся в лагерях на территории Сирийской Арабской Республики, представлял собой нарушение их прав по статьям 3 и 37 Конвенции о правах ребенка и что отказ государства-участника защитить детей-жертв от неминуемой и предсказуемой угрозы их жизни представлял собой также нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.30

В сфере гражданско-правовых отношений33

вопросы обеспечения права на образование33

Дело «*Х.М. против Испании*». Соображения Комитета по правам ребенка от 31 мая 2021 года. Сообщение № 115/2020. Поскольку государство-участник не привело никаких дополнительных причин того, почему А.Е.А. (сын автора сообщения), не был немедленно зачислен в школу после официального подтверждения его фактического местожительства в г. Мелилье, то Комитет решил – его право на доступ к образованию в соответствии со статьей 28 Конвенции о правах ребенка было нарушено. Комитет также счел, что непосещение А.Е.А. школы в течение почти 2 лет представляло собой нарушение его права на недискриминацию по смыслу статьи 2 Конвенции, рассматриваемой в совокупности со статьей 28 данного международного договора. Комитет установил, что наилучшие интересы А.Е.А. не были первоочередным соображением при проведении процедуры его превентивного обучения в школе в нарушение пункта 1 статьи 3 Конвенции, рассматриваемого в совокупности со статьей 28 Конвенции о правах ребенка.33

В сфере семейно-правовых отношений37

вопросы реализации судами положений Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах похищения детей от 25 октября 1980 года37

Дело «*Н.Е.Р.А. против Чили*». Соображения Комитета по правам ребенка от 1 июня 2022 года. Сообщение № 121/2020. По мнению Комитета по правам ребенка, решение Верховного суда Чили о возвращении Х.М. (сына автора сообщения) в Испанию во исполнение положений Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года не соответствовало условию, вытекающему из его права на первоочередной учет его наилучших интересов, в нарушение пункта 1 статьи 3 Конвенции о правах ребенка, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьями 9 и 23. С точки зрения Комитета, допущены нарушения Конвенции о правах ребенка.37

В сфере уголовно-процессуальных отношений44

запрет пыток, иного недопустимого обращения, в том числе в аспекте обязанности государства провести эффективное расследование случаев допущенного насилия44

Дело «*Н.Б. против Грузии*». Соображения Комитета по правам ребенка от 1 июня 2022 года. Сообщение № 84/2019. Комитет по правам человека счел, что обращение в виде телесного наказания, которому подвергся автор сообщения в детском саду, было формой насилия в отношении ребенка, как это определено в статье 19 Конвенции о правах ребенка. Учитывая особую уязвимость автора как ребенка в возрасте 3,5 лет, статус воспитательницы, наделенной властью и контролем над автором, а также роль детского сада в обеспечении базовой государственной услуги, представлявшей общий интерес и заключавшейся в заботе о детях и их образовании, Комитет пришел к выводу: государство-участник не приняло во внимание травмы, полученные автором, когда он находился под опекой государственного детского сада, и что поэтому ответственность государства-участника за его травмы наступает в соответствии со статьей 19 Конвенции. Комитет также резюмировал: национальные власти не приложили должных усилий и не провели оперативного и эффективного расследования предполагаемых телесных наказаний в нарушение обязательств государства-участника по статье 19 Конвенции о правах ребенка.44

Российская Федерация в качестве государства-продолжателя Союза ССР является участником Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года (далее также – Конвенция о правах ребенка, Конвенция). Конвенция вступила в силу 2 сентября 1990 года, стала обязательной для Союза ССР – 15 сентября 1990 года.

По состоянию на 22 марта 2023 года 196 государств являлись участниками указанного международного договора.

Для контроля за соблюдением государствами-участниками положений Конвенции был учрежден Комитет ООН по правам ребенка (далее также – Комитет по правам ребенка, Комитет), наделенный в том числе компетенцией рассматривать периодические доклады государств о принятых ими мерах по осуществлению обязательств согласно Конвенции. В январе 2014 года Комитет принял Заключительные замечания по объединенным четвертому и пятому периодическим докладам Российской Федерации¹.

Согласно Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся процедуры сообщений, принятому Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 2011 года, Комитет наделен компетенцией получать и рассматривать сообщения лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции, Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося участия детей в вооруженных конфликтах, а также Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, принятые Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 25 мая 2000 года. По состоянию на указанную выше дату 50 государств являлись участниками Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося процедуры сообщений, Российская Федерация – участником этого Факультативного протокола не являлась.

По состоянию на 22 марта 2023 года Комитет рассмотрел на предмет приемлемости и существа 125 сообщений в отношении государств – участников Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося процедуры сообщений².

С учетом практики по рассмотрению периодических докладов государств – участников Конвенции, а также индивидуальных сообщений Комитет принимает замечания общего порядка, представляющие собой обобщения отдельных правовых позиций Комитета по вопросам, которые являются значимыми в аспекте надлежащего исполнения государствами положений Конвенции по правам ребенка. По данным на 22 марта 2023 года,

¹ Режим доступа: URL:

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRS%2FC%2FRUS%2FCO%2F4-5&Lang=en.

² Режим доступа: URL:

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=en.

Комитет вынес следующие замечания общего порядка³: Замечание общего порядка № 1 – Цели образования; Замечание общего порядка № 2 (2002 год) о роли независимых правозащитных учреждений; Замечание общего порядка № 3 – ВИЧ/СПИД и права ребенка; Замечание общего порядка № 4 – Здоровье и развитие подростков в контексте Конвенции о правах ребенка; Замечание общего порядка № 5 – Общие меры по осуществлению Конвенции о правах ребенка; Замечание общего порядка № 6 – Обращение с несопровождаемыми и разлученными детьми за пределами страны их происхождения; Замечание общего порядка № 7 – Осуществление прав ребенка в раннем детстве; Замечание общего порядка № 8 – Право ребенка на защиту от телесных наказаний и других жестоких или унижающих достоинство видов наказания (в частности, статья 19; пункт 2 статьи 28 и статья 37); Замечание общего порядка № 9 – Права детей-инвалидов; Замечание общего порядка № 10 – Права детей в рамках отправления правосудия в отношении несовершеннолетних; Замечание общего порядка № 11 (2009) – Дети из числа коренных народов и их права согласно Конвенции; Замечание общего порядка № 12 – Право ребенка быть услышанным; Замечание общего порядка № 13 (2011) – Право ребенка на свободу от всех форм насилия; Замечание общего порядка № 14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (пункт 1 статьи 3); Замечание общего порядка № 15 (2013) о праве ребенка на пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения (статья 24); Замечание общего порядка № 16 (2013) об обязательствах государств, касающихся воздействия предпринимательской деятельности на права детей; Замечание общего порядка № 17 (2013) о праве ребенка на отдых, досуг, участие в играх, развлекательных мероприятиях, культурной жизни и праве заниматься искусством (статья 31); Совместная Общая рекомендация № 31 Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин/Замечание общего порядка № 18 Комитета по правам ребенка по вредной практике; Замечание общего порядка о реализации прав несовершеннолетних; Замечание общего порядка № 20 (2016) об осуществлении прав ребенка в подростковом возрасте; Замечание общего порядка № 21 (2017) о беспризорных детях; Совместное замечание общего порядка № 3 Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 22 Комитета по правам ребенка в контексте международной миграции: общие принципы; Совместное замечание общего порядка № 4 Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 23 (2017) Комитета по правам ребенка об обязательствах государств в отношении прав человека детей в контексте международной миграции в странах происхождения, транзита, назначения и возвращения; Замечание общего порядка № 24 (2019) о правах

³ Режим доступа: URL: <https://www.ohchr.org/e№/treaty-bodies/crc/ge№eral-commen№ts>.

детей в системе правосудия в отношении детей; Замечание общего порядка № 25 (2021) о правах детей в цифровой среде.

Практика Комитета свидетельствует, что при рассмотрении индивидуальных сообщений для аргументации своей позиции Комитет ссылается как на принятые им замечания общего порядка, так и на свои ранее вынесенные соображения и/или решения о неприемлемости (приемлемости) сообщений.

Для сведения сообщается, что в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлены:

– *Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты прав несовершеннолетних в сфере гражданских и административных правоотношений*⁴;

– *Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты прав несовершеннолетних, в отношении которых осуществляется производство по уголовному делу*⁵.

В данном Обзоре внимание акцентируется на делах Комитета, которые могли бы представлять интерес для судов Российской Федерации в аспекте надлежащей реализации положений Конвенции о правах ребенка и законодательства Российской Федерации, регулирующего вопросы защиты прав детей.

⁴ Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documeNets/iNoterNatioNal_practice/27105/.

⁵ Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documeNets/iNoterNatioNal_practice/27093/.

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; статьи 3–33). Согласно подпункту «b» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека⁶.

В сфере административно-правовых отношений

защита прав детей в сфере миграционных отношений⁷

Дело «*И.Б. и Н.С. против Бельгии*». Соображения Комитета по правам ребенка от 27 сентября 2018 года. Сообщение № 12/2017⁸. Комитет по правам

⁶ В рамках настоящего обзора понятие «межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека» охватывает Комитет ООН по правам ребенка.

⁷ Для сведения: в 2022 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты прав мигрантов*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2022 год раздела «Документы».

Режим доступа: URL: http://www.vsr.ru/documents/international_practice/30792/.

⁸ Как усматривалось из текста Соображений, авторы состояли в браке. Они взяли на воспитание в рамках отношения «кафала» С.Е., родившуюся 21 апреля 2011 года в Марракеше и являвшуюся подданной Марокко. Сведения об отце С.Е. отсутствовали; мать С.Е. отказалась от нее при рождении. Решение о ее признании ребенком, от которого отказались родители, было принято судом первой инстанции в Марракеше 19 августа 2011 года (пункт 2.1 Соображений). Авторы отмечали, что «кафала» не приводит к установлению родственных отношений с ребенком, вследствие чего им не удалось подать заявление по основанию воссоединения семьи. По этой причине 21 декабря 2011 года они подали заявление на получение долгосрочной визы по гуманитарным соображениям на основании статьи 9 Закона Бельгии от 15 декабря 1980 года о въезде иностранцев в страну, их пребывании в ней и высылке (пункт 2.4 Соображений). 27 ноября 2012 года Управление по делам иностранцев отклонило заявление авторов сообщения о выдаче визы, поскольку оно сочло, что решение о передаче ребенка на воспитание в рамках отношения «кафала» не являлось удочерением и не было основанием для возникновения права на нахождение на территории страны (пункт 2.5 Соображений). Авторы утверждали, что государство-

ребенка установил, что государство-участник не провело изучения вопроса о наилучшем обеспечении интересов ребенка в процессе рассмотрения запроса о выдаче С.Е. (ребенок, находившийся на воспитании авторов сообщения в рамках отношения «кафала») визы и в нарушение статей 3 и 12 Конвенции о правах ребенка не обеспечило соблюдение ее права быть заслушанной. Комитет отметил – при оценке и определении способов наилучшего обеспечения интересов ребенка с точки зрения последствий принятия или отклонения заявления на выдачу разрешения на проживание С.Е. в стране государство-участник было обязано принимать во внимание существующие де-факто связи между ребенком и авторами сообщения, которые сложились на основе отношения «кафала». В нарушение статьи 10 Конвенции государство-участник не выполнило свое обязательство рассмотреть заявление авторов, равносильное заявлению на воссоединение семьи, позитивным, гуманным и оперативным образом, обеспечив, чтобы представление такой просьбы не приводило к неблагоприятным последствиям для заявителей и членов их семьи.

Правовые позиции Комитета: наилучшее обеспечение интересов ребенка должно быть главным соображением во всех соответствующих решениях и что концепция наилучшего обеспечения интересов ребенка «подлежит корректировке и определению в индивидуальном порядке применительно к особенностям положения соответствующего ребенка или детей с учетом их личных обстоятельств, положения и потребностей. При принятии решений по индивидуальным случаям оценка и определение наилучших интересов ребенка должны проводиться в свете конкретных обстоятельств, в которых находится данный ребенок» (пункт 8.3 Соображений).

Как правило, рассмотрение фактов и доказательств входит в компетенцию национальных судебных органов за исключением тех случаев, когда подобное рассмотрение является очевидно произвольным или приравнивается к судебной ошибке. В этой связи Комитет не подменяет собой национальные органы при толковании национального законодательства и оценке фактов и доказательств, однако он обязан проверить отсутствие произвола или отказа в правосудии в оценке властей и гарантировать, что в качестве основного критерия в этой оценке был использован принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка (пункт 8.4 Соображений).

В статье 12 Конвенции о правах ребенка не устанавливается какого-либо возрастного ограничения в отношении права ребенка выражать свои взгляды и она не поощряет государства-участников к введению в законодательстве или на практике возрастных ограничений, которые бы ущемляли право

участник нарушило права С.Е., закрепленные в статьях 2, 3, 10, 12 и 20 Конвенции (пункт 3.1 Соображений).

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 1(2019)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы».

Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/inter-national_practice/27678/.

ребенка быть заслушанным по всем затрагивающим его вопросам. Ребенок отнюдь не должен иметь всеобъемлющие знания по всем аспектам затрагивающих его вопросов и ему достаточно такого понимания вопроса, которое позволяло бы ему надлежащим образом сформулировать по нему свои мнения. Комитет напоминает о том, что «любое решение, которое принимается без учета взглядов ребенка и не придает им надлежащей значимости, соответствующей его возрасту и степени зрелости, означает, что ребенку или детям не предоставлена возможность повлиять на процесс определения их наилучших интересов. Малый возраст ребенка или уязвимость его положения (например, инвалидность, принадлежность к тому или иному меньшинству, к числу мигрантов и т.п.) не лишают его права на выражение своих взглядов и не снижают значимости, придаваемой взглядам ребенка при определении его наилучших интересов. Конкретные меры, гарантирующие осуществление детьми своих прав на равной основе в подобных ситуациях, должны приниматься с учетом индивидуальной оценки, которая призвана отвести самим детям определенную роль в процессе принятия решений и в обеспечении, при необходимости, разумного приспособления и поддержки с целью добиться их полноправного участия в оценке их наилучших интересов» (пункт 8.7 Соображений).

При оценке возможностей сохранения семейного окружения и поддержания отношений в качестве одного из элементов, которые следует учитывать при определении способов наилучшего обеспечения интересов ребенка «термин «семья» следует понимать в широком смысле как включающий биологических, приемных или фостерных родителей либо, в соответствующих случаях, членов расширенной семьи или общины, как это предусмотрено местным обычаем» (статья 5 Конвенции по правам ребенка)» (пункт 8.11 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: приняты к сведению утверждения авторов о том, что в четырех решениях об отказе в выдаче виз, принятых миграционными властями Бельгии, не приводились ссылки на принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка. Комитет учел доводы государства-участника, согласно которым эти решения были приняты во исполнение действующего внутреннего законодательства с изменениями, внесенными в целях осуществления Гаагской конвенции о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления от 29 мая 1993 года, а также гарантирования наилучшего обеспечения интересов ребенка при международном усыновлении (удочерении) (пункт 8.2 Соображений).

Основанием для принятия миграционными властями Бельгии решения об отказе в выдаче С.Е. визы явился тот факт, что опека в форме «кафала» не дает никакого права на проживание в стране, при этом, по мнению государства-участника, авторы не продемонстрировали, что: а) биологическая семья С.Е. в Марокко не может заботиться о ней; б) авторы не могут заниматься ее воспитанием, если они оставят ее в Марокко;

и с) авторы располагают финансовыми возможностями, необходимыми для удовлетворения потребностей С.Е. Вместе с тем Комитет отметил: эти доводы носят общий характер и свидетельствуют о том, что конкретная ситуация, в которой оказалась С.Е., не была рассмотрена; в частности, не был учтен тот факт, что она является ребенком, родившимся от неизвестного отца и оставленным своей биологической матерью, и что по этой причине нереалистично и в любом случае нет никаких оснований предполагать, что ее биологическая семья будет оказывать ей заботу. В доводе об отсутствии необходимых финансовых возможностей, по-видимому, не принят во внимание тот факт, что марокканские власти установили опеку в форме «кафала» по итогам проверки социального положения авторов и их финансовых возможностей. Марокканские власти признали, что она отвечает соответствующим критериям и установили отношение «кафала» между С.Е. и авторами сообщения. Государство-участник в общей форме поставило под вопрос процедуру, использованную в Марокко, в рамках которой было установлено отношение «кафала», но не указало на то, в какой степени эта процедура в данном случае, возможно, не обеспечивает необходимые гарантии. И наконец, вариант, связанный с оставлением С.Е. в Марокко, не позволяет принять во внимание разницу между обеспечением потребностей в воспитании ребенка, находящегося в приюте для сирот, и удовлетворением эмоциональных, социальных и финансовых потребностей этого ребенка в условиях совместного проживания с ним, которые соответствовали бы отношениям, существующим между родителями и ребенком. Этот довод означал, что миграционные власти не учли эмоциональную связь, сложившуюся между авторами и С.Е. начиная с 2011 года. В частности, помимо правовых отношений, созданных в рамках «кафала», иммиграционные власти, судя по всему, не учли ни тот факт, что Н.С. совместно жила с С.Е. с момента ее рождения, ни семейных связей, которые естественным образом с течением времени де-факто завязались в условиях такой совместной жизни (пункт 8.5 Соображений).

По поводу жалобы авторов о нарушении статьи 12 Конвенции⁹ Комитет принял к сведению доводы государства-участника, согласно которым С.Е. был один год на время принятия первого решения и пять лет, когда было принято второе решение, и что она не была способна сформулировать свои собственные взгляды, в связи с чем было бы неоправданно заслушивать

⁹ Согласно статье 12 Конвенции о правах ребенка «1. Государства-участники обеспечивают ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка. 2. С этой целью ребенку, в частности, представляется возможность быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка, либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган в порядке, предусмотренном процессуальными нормами национального законодательства».

ребенка в рамках применения норм, касающихся выдачи или невыдачи разрешения на проживание в стране (пункт 8.6 Соображений).

Комитет отмечает, что С.Е. исполнилось пять лет, когда было вынесено решение по итогам второй процедуры рассмотрения поданного авторами заявления на выдачу визы по гуманитарным причинам, и что она могла составить мнение о возможности постоянного проживания в Бельгии с авторами. Комитет не разделил позицию государства-участника, заявившего о том, что в ходе рассмотрения вопроса о выдаче разрешения на жительство в стране не было необходимости принимать во внимание взгляды ребенка, и, соответственно, Комитет придерживается противоположно мнения. В данном случае последствия указанной процедуры имели первостепенное значение для жизни и будущего С.Е. в силу того, что для нее они непосредственно связаны с возможностью совместной жизни с авторами в одной семье (пункт 8.8 Соображений).

Комитет пришел к выводу о том, что государство-участник не провело конкретного рассмотрения вопроса о наилучшем обеспечении интересов ребенка в процессе рассмотрения вопроса о выдаче С.Е. визы и в нарушение статей 3 и 12 Конвенции не обеспечило соблюдение ее права быть заслушанной (пункт 8.9 Соображений).

В отношении жалобы авторов, касающейся несоблюдения статьи 10 Конвенции¹⁰, Комитет счел, что статья 10 Конвенции не обязывает государство-участника признать в общем плане право на воссоединение семей за детьми, помещенных в детские учреждения в порядке «кафалы». Несмотря на это, Комитет отметил, что при оценке и определении способов наилучшего обеспечения интересов ребенка с точки зрения последствий принятия или отклонения заявления на выдачу разрешения на проживание С.Е. в стране государство-участник было обязано принимать во внимание существующие де-факто связи между ребенком и авторами (особенно с Н.С.),

¹⁰ В силу статьи 10 Конвенции о правах ребенка «1. В соответствии с обязательством государств-участников по пункту 1 статьи 9 заявления ребенка или его родителей на въезд в государство-участник или выезд из него с целью воссоединения семьи должны рассматриваться государствами-участниками позитивным, гуманным и оперативным образом. Государства-участники далее обеспечивают, чтобы представление такой просьбы не приводило к неблагоприятным последствиям для заявителей и членов из семьи. 2. Ребенок, родители которого проживают в различных государствах, имеет право поддерживать на регулярной основе, за исключением особых обстоятельств, личные отношения и прямые контакты с обоими родителями. С этой целью и в соответствии с обязательством государств-участников по пункту 2 статьи 9 государства-участники уважают право ребенка и его родителей покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну. В отношении права покидать любую страну действуют только такие ограничения, какие установлены законом и необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения или прав и свобод других лиц и совместимы с признанными в настоящей Конвенции другими правами».

которые сложились на основе отношения «кафала» (пункт 8.11 Соображений).

Принимая во внимание тот факт, что сложившиеся де-факто семейные связи в данном случае не были учтены, и тот факт, что время, истекшее с момента подачи авторами заявления на выдачу визы, превысило семь лет, Комитет резюмировал: в нарушение статьи 10 Конвенции государство-участник не выполнило свое обязательство рассмотреть заявление авторов, равносильное заявлению на воссоединение семьи, позитивным, гуманным и оперативным образом, обеспечив, чтобы представление такой просьбы не приводило к неблагоприятным последствиям для заявителей и членов их семьи (пункт 8.12 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении государством-участником статей 3, 10 и 12 Конвенции (пункт 8.14 Соображений).

См. также нижеприведенное дело *«Ф.Б. и другие и Д.А. и другие против Франции»*. Соображения Комитета по правам ребенка от 8 февраля 2022 года. Сообщения № 77/2019, 79/2019, 109/2019.

установление возраста ребенка (в сфере миграционных отношений)

Дело *«А.Л. против Испании»*. Соображения Комитета по правам ребенка от 31 мая 2019 года. Сообщение № 16/2017¹¹. С учетом обстоятельств данного дела, и, в частности, обследования, проведенного с целью установления возраста автора сообщения, отсутствия у него представителя в ходе этой процедуры и почти автоматического отклонения представленного автором свидетельства о рождении в качестве доказательства, без проведения государством-участником даже формальной проверки его данных и в случае сомнения подтверждения их в консульских учреждениях Алжира, Комитет пришел к выводу, что наилучшие интересы ребенка не были приняты в качестве основного фактора при определении его возраста в нарушение статьи 3 Конвенции о правах ребенка. Комитет отметил, что, даже когда автор представил испанским властям копию своего свидетельства о рождении, содержащую элементы индивидуальности ребенка, государство-участник не обеспечило уважение

¹¹ Как усматривалось из текста Соображений, Комитету предстояло решить вопрос о том, является ли применение процедуры установления возраста в отношении автора, который заявил, что он несовершеннолетний и представил в подтверждение копию своего свидетельства о рождении, нарушением его прав, закрепленных в Конвенции о правах ребенка. Автор, в частности, утверждал, что в ходе всей процедуры не соблюдался принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка, что нашло свое отражение как в форме обследования, на основе которого был установлен его возраст, так и в том, что на протяжении всего процесса ему не был назначен опекун или представитель.

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 4(2019)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы».

Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/28597/.

индивидуальности автора, не придав никакой доказательной силы копии его свидетельства о рождении без предварительного официального изучения компетентным органом данных, содержащихся в свидетельстве, и не уточнив, в качестве альтернативы, эти данные у властей страны происхождения автора. Комитет резюмировал: государство-участник нарушило статью 8 Конвенции о правах ребенка.

Правовые позиции Комитета: установление возраста молодого человека, утверждающего, что он является несовершеннолетним, имеет принципиально важное значение, поскольку от этого зависит, будет ли этот человек иметь право на национальную защиту как ребенок или же такая защита ему предоставлена не будет. Аналогичным образом, а это имеет первостепенное значение для Комитета, возможность пользоваться правами, закрепленными в Конвенции о правах ребенка, напрямую зависит от результатов вышеупомянутой процедуры установления возраста. По этой причине крайне важно обеспечить соблюдение надлежащей правовой процедуры при установлении возраста и предусмотреть возможность обжалования результатов в апелляционном порядке. На протяжении всего процесса сомнения должны толковаться в пользу рассматриваемого лица и с ним следует обращаться как с ребенком. Комитет напоминает, что приоритетное значение на каждом этапе процедуры установления возраста должно уделяться наилучшему обеспечению интересов ребенка (пункт 12.3 Соображений).

Комитет напоминает также, что в отсутствие документов, удостоверяющих личность, или других способов достоверной оценки возраста, государствам следует проводить комплексный анализ физического и психологического развития ребенка силами специалистов-педиатров или других специалистов, обладающих навыками комплексного анализа различных аспектов развития. Такой анализ должен быть оперативным, учитывать потребности ребенка, культурные особенности и гендерные аспекты, а беседы с детьми должны проводиться на понятном ребенку языке. Имеющиеся документы следует считать подлинными, пока не будет доказано обратное. Должны приниматься во внимание и заявления самих детей. Кроме того, крайне важно толковать сомнения в пользу рассматриваемого лица. Государствам нужно воздерживаться от использования медицинских методов установления возраста, таких как обследование состояния костей и зубов, которые при свойственной им большой погрешности могут оказаться неточными, нанести травму и повлечь применение ненужных правовых процедур (пункт 12.4 Соображений).

Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 6 относительно того, что следует учитывать не только внешние физические данные лица, но и степень его или ее психологической зрелости, а оценка должна проводиться на научной, безопасной, учитывающей интересы ребенка и его пол, а также на справедливой основе, при том что в случае сомнений вопрос должен решаться в пользу рассматриваемого лица, то есть если есть вероятность того, что данное лицо является ребенком, то с нею или с ним следует обращаться как с таковым (пункт 12.7 Соображений).

Государствам-участникам следует как можно скорее по прибытии в страну всех молодых людей, утверждающих, что они являются несовершеннолетними, назначать им на безвозмездной основе законных представителей, владеющих соответствующим языком. Комитет счел: обеспечение представительства вышеупомянутых лиц в процессе установления их возраста равнозначно толкованию сомнений в их пользу и является важной гарантией наилучшего обеспечения их интересов и соблюдения их права быть заслушанными. Непринятие таких мер представляет собой нарушение статей 3 и 12 Конвенции о правах ребенка, поскольку процедура установления возраста является отправной точкой для применения положений Конвенции. Отсутствие своевременного представительства может привести к существенной несправедливости (пункт 12.8 Соображений).

Возраст и дата рождения ребенка являются частью его индивидуальности и что государства-участники обязаны уважать право ребенка на ее сохранение, не лишая его ни одного из ее элементов (пункт 12.10 Соображений).

Ратифицировав Факультативный протокол, государства-участники берут на себя международное обязательство соблюдать временные меры, предусмотренные в статье 6 этого протокола, которые могут предотвратить нанесение непоправимого вреда в то время, как сообщение находится на рассмотрении, обеспечивая тем самым эффективность процедуры рассмотрения индивидуальных сообщений (пункт 12.12 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: установлено, что: а) для установления возраста автора сообщения, который по прибытии на испанскую территорию не имел при себе документов, он был подвергнут медицинскому обследованию, заключавшемуся в рентгенографии его левой кисти, при этом не было проведено каких-либо дополнительных проверок, в частности психологической оценки, и не существовало подтверждений того, что с автором была проведена беседа в ходе этого процесса; б) в результате единственного проведенного обследования сотрудники больницы установили, что согласно атласу Грейлиха-Пайла костный возраст автора сообщения превышал 19 лет, не указав возможной погрешности; в) на основе этого медицинского заключения прокуратура провинции Альмерии издала постановление о признании автора совершеннолетним; и д) прокуратура не рассмотрела копию свидетельства о рождении, представленную автором 22 мая 2017 года, на предмет возможного пересмотра постановления о его признании совершеннолетним (пункт 12.5 Соображений).

Государство-участник сослалось на дело *«М.Е.Б. против Испании»* в качестве примера, демонстрирующего надежность рентгенологического исследования на основе атласа Грейлиха-Пайла. Вместе с тем Комитет отметил содержащуюся в деле подробную информацию, свидетельствующую о недостаточной точности такого обследования, которое допускает значительную погрешность и поэтому не может служить в качестве

единственного метода установления хронологического возраста молодого человека, заявлявшего, что он являлся несовершеннолетним и представившего подтверждающие это документы (пункт 12.6 Соображений).

Комитет счел: возраст автора сообщения, который заявил, что он являлся ребенком и впоследствии представил соответствующие доказательства, был установлен без соблюдения гарантий, необходимых для защиты его прав, закрепленных в Конвенции. С учетом обстоятельств данного дела, и в частности обследования, проведенного с целью установления возраста автора, отсутствия у него представителя в ходе этой процедуры и почти автоматического отклонения представленного автором свидетельства о рождении в качестве доказательства, без проведения государством-участником даже формальной проверки его данных и в случае сомнения подтверждения их в консульских учреждениях Алжира, Комитет пришел к выводу, что наилучшие интересы ребенка не были приняты в качестве основного фактора при определении его возраста в нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 12.9 Соображений).

Комитет принял к сведению утверждения автора о том, что государство-участник нарушило его права, изменив элементы его индивидуальности, указав возраст и дату рождения, которые не соответствовали информации, содержащейся в его свидетельстве о рождении, даже после представления копии этого свидетельства испанским властям. В данном случае Комитет отметил, что, даже когда автор представил испанским властям копию своего свидетельства о рождении, содержащую элементы индивидуальности ребенка, государство-участник не обеспечило уважение индивидуальности автора, не придав никакой доказательной силы копии его свидетельства о рождении без предварительного официального изучения компетентным органом данных, содержащихся в свидетельстве, и не уточнив в качестве альтернативы эти данные у властей страны происхождения автора. Следовательно, Комитет резюмировал: государство-участник нарушило статью 8 Конвенции (пункт 12.10 Соображений).

Комитет принял к сведению утверждения автора о невыполнении государством-участником временной меры по его переводу в центр по защите несовершеннолетних на период рассмотрения его дела. Комитет учел аргумент государства-участника о том, что перевод автора в центр по защите несовершеннолетних мог представлять серьезную опасность для содержащихся там детей. Вместе с тем Комитет указал – этот аргумент основывается на предположении, что автор является совершеннолетним. Комитет счел, что большую угрозу может представлять собой содержание предполагаемого ребенка в центре, предназначенном только для взрослых, которые были признаны таковыми. В этой связи Комитет отметил, что невыполнение запрошенной временной меры само по себе является нарушением статьи 6 Факультативного протокола (пункт 12.12 Соображений).

Вывод Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении государством-участником статей 3, 8 и 12 Конвенции по правам ребенка и статьи 6 Факультативного протокола (пункт 12.13 Соображений).

*вопросы административного выдворения (депортации)*¹²

Дело «*Д.Д. против Испании*». Соображения Комитета по правам ребенка от 1 февраля 2019 года. Сообщение № 4/201613. Комитет счел, что с учетом насилия, которому подвергаются мигранты в районе границы с Марокко и неправомерного обращения, с которым столкнулся автор, непроведение перед депортацией несовершеннолетнего автора сообщения оценки возможного риска нанесения ему непоправимого вреда и несоблюдение принципа обеспечения его наилучших интересов являются нарушением статей 3 и 37 Конвенции о правах ребенка. Комитет также пришел к выводу: тот факт, что автор в своем качестве несопровождаемого ребенка не прошел перед депортацией процедуру установления личности и оценки его личных обстоятельств и что ему не была предоставлена возможность опротестовать ее, нарушил его права, предусмотренные статьями 3 и 20 Конвенции. Комитет счел, что то, каким образом автор был депортирован в качестве несопровождаемого ребенка, лишенного семейного окружения, в контексте международной миграции – задержанным и в наручниках, не будучи заслушанным, не получив юридической помощи или помощи переводчика и без учета его потребностей – представляло собой обращение, запрещенное в соответствии со статьей 37 Конвенции.

Правовые позиции Комитета: обязательства государства по предоставлению специальной защиты и помощи несопровождаемым детям

¹² Для сведения: в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с защитой прав и свобод лиц при назначении им наказания в виде административного выдворения*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2018 год раздела «Документы».

Режим доступа: URL: http://www.vsrif.ru/documents/international_practice/27085/.

¹³ Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждал, что он стал жертвой нарушения пункта 1 статьи 20 Конвенции о правах ребенка ввиду отсутствия должной защиты со стороны государства-участника в его отношении как несопровождаемого ребенка, лишенного семейного окружения. Он отмечал, что 2 декабря 2014 года, когда сотрудники Гражданской гвардии Испании задержали его в Мелилье, заковали в наручники и вернули в Марокко, он не прошел никакой процедуры установления личности, его потребности в защите не были оценены и ему не была предоставлена возможность рассказать о своих личных обстоятельствах. Он также утверждал, что ни один из сотрудников Гражданской гвардии даже не спросил его имя, возраст и не осведомился, угрожает ли ему какая-либо опасность, перед тем как вернуть его в Марокко (пункт 3.1 Соображений).

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 3(2019)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы».

Режим доступа: URL: http://www.vsrif.ru/documents/international_practice/28228/.

согласно статье 20 Конвенции о правах ребенка «применяются в том числе в отношении тех детей, которые подпадают под его юрисдикцию, пытаясь проникнуть на территорию страны». Комитет считает, что «один из позитивных аспектов этих обязательств, связанных с обеспечением защиты, требует также от государств принятия всех необходимых мер для выявления несопровождаемых или разлученных детей на как можно более раннем этапе, в том числе на границе». Таким образом, в целях выполнения государством своих обязательств по статье 20 Конвенции и соблюдения принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка крайне важно и необходимо, чтобы перед любой передачей или возвращением того или иного лица государство-участник проводило первоначальную оценку, включающую следующие этапы:

а) приоритетное выявление несопровождаемых несовершеннолетних лиц; в случае наличия сомнений вопрос должен решаться в пользу рассматриваемого лица, то есть если есть вероятность того, что данное лицо является ребенком, то с ней или с ним следует обращаться как с таковым;

б) установление личности несовершеннолетнего лица на основе первоначального собеседования; и

с) оценка конкретной ситуации, в которой находится несовершеннолетнее лицо, и факторов особой уязвимости, если таковые имеются (пункт 14.3 Соображений).

При выполнении своих обязательств по статье 37 Конвенции о правах ребенка в целях обеспечения того, чтобы ни один ребенок не подвергался пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения, государство не должно высылать ребенка в ту или иную страну, если имеются серьезные основания полагать, что ему может быть причинен непоправимый вред. В свете вышесказанного Комитет полагает, что в соответствии со статьей 37 Конвенции и принципом невозвращения государство обязано провести предварительную оценку наличия риска причинения непоправимого вреда ребенку и серьезных нарушений его прав в стране, в которую он будет переведен или возвращен, соблюдая принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка и принимая во внимание в том числе «особо серьезные последствия недоедания или недостаточности медицинских услуг для детей». В частности, Комитет напоминает, что в контексте оценки ситуации с точки зрения наилучшего обеспечения интересов ребенка и определения того, как это может быть сделано, детям должно быть гарантировано право доступа на территорию страны независимо от наличия или отсутствия документов, а также право на передачу органам, занимающимся вопросами оценки потребностей детей в плане защиты их прав с обеспечением их процессуальных гарантий (пункт 14.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: установлено, что 2 декабря 2014 года: а) автор прибыл в Испанию в качестве несопровождаемого ребенка, лишенного своего семейного окружения;

b) автор провел несколько часов на вершине заграждения на пограничном контрольно-пропускном пункте в г. Мелилье, не получив никакой помощи от испанских властей; c) как только он спустился с заграждения, сотрудники Гражданской гвардии Испании задержали его, заковали в наручники и вернули напрямую в Марокко; d) в период между тем, как автор спустился с заграждения, и его возвращением в Марокко он не получил никакой юридической помощи или помощи переводчика с тем, чтобы иметь возможность объясниться; он не прошел процедуру первоначальной оценки для установления его статуса несопровождаемого ребенка и не получил соответствующего этому статусу обращения в случае наличия сомнения; его личность не была установлена, с ним не провели беседы и не спросили о его конкретных личных обстоятельствах и/или о том, находился ли он в тот момент в уязвимом положении (пункт 14.5 Соображений).

Принято к сведению утверждение государства-участника о том, что принцип невозвращения неприменим в данном случае, поскольку он действует только в том случае, если соответствующее лицо прибывает с территории, где для него или для нее существует опасность преследования. Вместе с тем Комитет вновь подтвердил обязательство государства-участника не высылать ребенка в ту или иную страну, если имеются серьезные основания полагать, что ему может быть причинен непоправимый вред. Комитет отметил: до возвращения заявителя в Марокко государство-участник не установило его личность, не спросило о его личных обстоятельствах и не провело предварительную оценку наличия опасности преследования и/или причинения ему непоправимого вреда в стране, куда он должен был быть возвращен. Комитет счел, что в свете насилия, которому подвергаются мигранты в районе границы с Марокко и неправомерного обращения, с которым столкнулся автор, непроведение перед депортацией автора оценки возможного риска нанесения ему непоправимого вреда и несоблюдение принципа обеспечения его наилучших интересов явилось нарушением статей 3 и 37 Конвенции о правах ребенка (пункт 14.6 Соображений).

Комитет также пришел к выводу: тот факт, что автор в своем качестве несопровождаемого ребенка не прошел перед депортацией процедуру установления личности и оценки его личных обстоятельств и что ему не была предоставлена возможность опротестовать ее, нарушил его права, предусмотренные статьями 3 и 20 Конвенции (пункт 14.7 Соображений).

Комитет счел, что то, каким образом автор был депортирован в качестве несопровождаемого ребенка, лишенного семейного окружения, в контексте международной миграции – задержанным и в наручниках, не будучи заслушанным, не получив юридической помощи или помощи переводчика и без учета его потребностей – представляло собой обращение, запрещенное в соответствии со статьей 37 Конвенции о правах ребенка (пункт 14.8 Соображений).

Вывод Комитета: имеющиеся факты свидетельствовали о нарушении статей 3, 20 и 37 Конвенции о правах ребенка (пункт 14.9 Соображений).

Дело «*А.М. против Швейцарии*». Соображения Комитета по правам ребенка от 22 сентября 2021 года. Сообщение № 95/2019¹⁴. Государство-участник, зная об отсутствии гражданства М.К.А.Х. (сын автора сообщения), должно было принять все необходимые меры к тому, чтобы удостовериться, что он будет иметь возможность получить гражданство в случае возвращения в Болгарию. Комитет резюмировал, что в случае возвращения в Болгарию права М.К.А.Х. по статье 7 Конвенции о правах ребенка будут нарушены. Комитет принял к сведению утверждение автора о том, что государство-участник нарушило статью 12 Конвенции, поскольку национальные органы не заслушали М.К.А.Х. (которому в тот период было 11 лет) в ходе рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища. Комитет счел - отсутствие прямого собеседования с ребенком представляло собой нарушение статьи 12 Конвенции. С учетом исследованных обстоятельств дела Комитет пришел к выводу: возвращение М.К.А.Х. в Болгарию будет представлять собой произвольное вмешательство в его личную жизнь в нарушение его прав, предусмотренных статьей 16 Конвенции.

Правовые позиции Комитета: Конвенция о правах ребенка признает взаимозависимость и важность всех прав (гражданских, политических, экономических, социальных и культурных) в предоставлении всем детям возможности развивать свои умственные и физические способности, индивидуальность и таланты в максимально возможной степени (пункт 9.6 Соображений).

В Замечании общего порядка № 6 (2005) Комитета по правам ребенка предусматривается – государства не должны возвращать ребенка в ту или иную страну, если имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность того, что ему может быть причинен непоправимый вред, например, но не исключительно, такой, какой оговорен в статьях 6 и 37 Конвенции о правах ребенка; и что такие обязательства воздерживаться от принудительного возвращения (*non-refoulement*) применяются вне зависимости от того, совершаются ли серьезные нарушения прав, гарантированных в Конвенции, негосударственными субъектами и имеют ли названные нарушения целенаправленный характер или же являются косвенным следствием тех или иных действий или бездействия. Оценка

¹⁴ Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждал, что права М.К.А.Х. (сына автора сообщения), предусмотренные в статьях 2 (пункт 2), 6, 7, 16, 22, 24, 27, 28, 29, 37 и 39 Конвенции, будут нарушены государством-участником, если он будет выслан в Болгарию, где ему грозит реальная угроза бесчеловечного и унижающего достоинство обращения (пункт 3.1 Соображений).

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 1(2022)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2022 год раздела «Документы».

Режим доступа: URL:
http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/30826/.

степени опасности таких серьезных нарушений должна производиться с учетом факторов возраста и пола. Эту оценку следует проводить в соответствии с принципом осмотрительности и в случае наличия обоснованных сомнений в том, что принимающее государство может защитить ребенка от подобных угроз, государства-участники должны воздерживаться от депортации ребенка (пункт 10.4 Соображений).

Одним из важнейших соображений, которые надлежит учитывать при принятии решений, касающихся депортации ребенка, должно быть обеспечение наилучших интересов ребенка и что такие решения должны приниматься в соответствии с процедурой, предусматривающей надлежащие процессуальные гарантии того, что после возвращения ребенка ему будет обеспечена безопасность и предоставлены необходимый уход и возможности для осуществления его прав. Комитет также напоминает: бремя доказывания не может возлагаться исключительно на автора сообщения, особенно потому, что автор и государство-участник не всегда имеют равный доступ к доказательствам и нередко лишь государство-участник располагает соответствующей информацией (пункт 10.5 Соображений).

Психическое здоровье матери – главного человека для ребенка, осуществляющего за ним уход, – имеет важнейшее значение для гармоничного развития и выживания ребенка (пункт 10.8 Соображений).

Статья 12 Конвенции гарантирует право ребенка быть заслушанным в ходе любого затрагивающего его судебного или административного разбирательства. Комитет напоминает, что после того, как ребенок примет решение быть заслушанным, ему предстоит определить, каким образом он хочет быть заслушан: либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган. Кроме того, в этой статье не устанавливается какого-либо возрастного ограничения в отношении права ребенка выражать свои взгляды и что она не поощряет государства-участников к введению законодательно или на практике возрастных ограничений, которые ущемляли бы право ребенка быть заслушанным по всем затрагивающим его вопросам. Определение наилучших интересов детей требует, чтобы их ситуация оценивалось отдельно, какими бы ни были причины, заставившие их родителей подать ходатайство о предоставлении убежища (пункт 10.11 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: были приняты к сведению утверждения автора о том, что государство-участник не приняло во внимание наилучшие интересы ребенка при рассмотрении ходатайства о предоставлении убежища в нарушение статьи 3 Конвенции о правах ребенка. Комитет обратил внимание на утверждения автора о том, что их высылка в Болгарию нарушит права ее сына (М.К.А.Х.) по статьям 3 (пункт 1), 6 (пункт 2), 22, 27, 28, 37 и 39 Конвенции, поскольку будучи ребенком, травмированным вооруженным конфликтом в Сирийской Арабской Республике, и вследствие своего статуса беженца, он не сможет получить в Болгарии поддержку, необходимую для достойной жизни, с доступом к

образованию, жилью, медицинской помощи и социальной поддержке, необходимой для его социальной реинтеграции и реабилитации. Комитет также принял во внимание утверждения автора о том, что состояние ее собственного психического здоровья, включая тяжелые психические расстройства, нельзя рассматривать отдельно от состояния здоровья ее ребенка, так как она является единственным человеком, который мог бы обеспечить ему необходимый уход в Болгарии (пункт 10.2 Соображений).

В этой связи Комитет обратил внимание на приведенные автором и третьими сторонами сообщения о том, что в Болгарии нет программы интеграции бенефициаров международной защиты, которые сталкиваются с серьезными трудностями в доступе к жилью, занятости, социальным пособиям и медицинскому обслуживанию. Он принял, в частности, к сведению вышедший в октябре 2019 года доклад Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев, в котором говорится, что отсутствие адекватных условий приема и перспектив интеграции вынуждает многих просителей убежища покидать страну до рассмотрения их ходатайства или вскоре после предоставления убежища, что в Болгарии не существует адресных мер содействия интеграции и поддержки людей с особыми потребностями, и что угроза остаться без крова является реальной. Комитет также учел Соображения Комитета ООН по правам человека в деле *«Р.А.А. и З.М. против Дании»*, в котором Комитет счел – возвращение супружеской пары и их ребенка в Болгарию нарушит их права по статье 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, поскольку они рискуют столкнуться с лишениями и нуждой, а отец не будет иметь доступа к необходимой ему медицинской помощи (пункт 10.6 Соображений).

Комитет указал следующее – при анализе ходатайства о предоставлении убежища государство-участник приняло во внимание тот факт, что Болгария является участником договоров, касающихся прав человека и защиты лиц, пользующихся дополнительной защитой, включая Директиву 2011/95/EU, но не учло должным образом многочисленные сообщения, указывающие на то, что риск бесчеловечного или унижающего достоинство обращения с детьми в ситуациях, аналогичных ситуации М.К.А.Х., является реальным. Комитет также отметил: государство-участник не приняло должным образом во внимание ситуацию М.К.А.Х. как жертвы вооруженного конфликта и просителя убежища, который, предположительно, подвергался жестокому обращению во время пребывания в Болгарии; государство не попыталось предпринять необходимые шаги для проведения персонифицированной оценки риска, которому М.К.А.Х. подвергнется в Болгарии, проверив, какими на самом деле будут условия приема для него и автора, в том числе с точки зрения доступа к образованию, занятости, жилью, медицинской помощи и другим услугам, необходимым для физической и психологической реадaptации ребенка и его реинтеграции в общество. Комитет принял к сведению аргумент государства-участника о том, что граждане третьих стран

могут прибегнуть к помощи благотворительных организаций в Болгарии. При этом он указал – поддержка благотворительных организаций – это не выполнение государством своих обязательств, а паллиатив (пункт 10.7 Соображений).

Комитет подчеркнул: когда автор сообщения и М.К.А.Х. подавали ходатайство о предоставлении убежища, то они прямо указали, что М.К.А.Х. является лицом без гражданства. Он отметил, что государство-участник не попыталось предпринять необходимые шаги для проверки того, может ли ребенок получить гражданство в Болгарии. Комитет счел, что соблюдение статьи 7 Конвенции о правах ребенка требует от государств принятия позитивных мер для реализации права на приобретение гражданства. Государство-участник, зная об отсутствии гражданства М.К.А.Х., должно было принять все необходимые меры к тому, чтобы удостовериться, что он будет иметь возможность получить гражданство в случае возвращения в Болгарию. Следовательно, с учетом обстоятельств данного дела Комитет резюмировал, что в случае возвращения в Болгарию права М.К.А.Х. по статье 7 Конвенции будут нарушены (пункт 10.10 Соображений).

Комитет принял к сведению утверждение автора о том, что государство-участник нарушило статью 12 Конвенции, поскольку национальные органы не заслушали М.К.А.Х., которому в тот период было 11 лет, в ходе рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища. Комитет также учел доводы государства-участника, утверждавшего, что ребенок не был заслушан ввиду его юного возраста и что он воспользовался своим правом быть заслушанным через свою мать. Учитывая обстоятельства данного дела, Комитет счел – отсутствие прямого собеседования с ребенком представляло собой нарушение статьи 12 Конвенции (пункт 10.11 Соображений).

Что касается статьи 16 Конвенции, то Комитет принял к сведению утверждения автора: решение о высылке также нарушит права М.К.А.Х., поскольку он будет разлучен со своим дядей и двоюродными братьями, членами его семьи, проживающими в Европе, и что отношения с ними имеют основополагающее значение для его благополучия и социальной реинтеграции. С учетом конкретных обстоятельств данного дела Комитет счел – любое разлучение М.К.А.Х. с его двоюродными братьями и дядей вполне может создать дополнительные трудности для развития ребенка и его социальной реинтеграции. Таким образом, Комитет пришел к выводу, что возвращение М.К.А.Х. в Болгарию будет представлять собой произвольное вмешательство в его личную жизнь в нарушение его прав, предусмотренных статьей 16 Конвенции (пункт 10.12 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении статей 3 и 12 Конвенции и что возвращение М.К.А.Х. и его матери в Болгарию также нарушит статьи 1, 6, 16, 22, 27, 28, 37 и 39 Конвенции о правах ребенка.

Дело «*Е.Б. против Бельгии*». Соображения Комитета по правам ребенка от 3 февраля 2022 года. Сообщение № 55/2018¹⁵. Комитет счел, что, не рассмотрев возможные альтернативы лишению детей свободы при разрешении вопроса о депортации автора сообщения, государство-участник не уделило должного внимания их наилучшим интересам в качестве основного соображения.

Правовые позиции Комитета: ссылаясь на Замечание общего порядка Комитета по правам ребенка № 23 (2017) в сочетании с Замечанием общего порядка № 4 (2017) Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, в которых указано, что содержание под стражей ребенка на основании миграционного статуса его родителей представляет собой нарушение прав ребенка и противоречит принципу наилучшего обеспечения интересов ребенка, принимая во внимание вред, присущий любому лишению свободы, и неблагоприятные последствия, которые содержание под стражей, связанное с иммиграцией, может иметь для физического и психического здоровья и развития детей, и что возможность заключения под стражу детей в качестве крайней меры не должна применяться в рамках иммиграционных процедур. Аналогичным образом Комитет напоминает о своих заключительных замечаниях по пятому и шестому докладам Бельгии, в которых он призвал государство-участника прекратить содержание детей в центрах закрытого типа и использовать альтернативы, не связанные с лишением свободы (пункт 13.9 Соображений).

Комитет считает, что осуществление автором сообщения права на судебный пересмотр не может оправдать содержание ее детей под стражей (пункт 13.13 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: установлено, что дети содержались вместе с матерью в семейном доме в центре закрытого типа для иностранцев с 14 августа до 10 сентября 2018 года, когда им была предоставлена альтернатива содержанию под стражей, а именно – дом возвращения открытого типа, предназначенный для одной семьи. Сбежав 13 сентября 2018 года из этого дома открытого типа, семья была задержана на следующий день, а затем снова помещена в семейный дом в центре

¹⁵ Как следовало из текста Соображений, автором сообщения являлась Е.Б., гражданка Сербии. Она представила сообщение от имени своих четырех несовершеннолетних детей, родившихся в Бельгии: Е.Х., родившейся 13 февраля 2012 года, Р.Б., родившейся 6 июля 2013 года, С.Б., родившейся 16 ноября 2014 года, и З.Б., родившейся 10 августа 2017 года. Автор утверждала, что ее дети вследствие лишения свободы являлись жертвами нарушения государством-участником статьи 37 Конвенции о правах ребенка, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьями 3, 24, 28, 29 и 31, и что их депортация в Сербию нарушит статьи 9 и 27 Конвенции (пункт 1.1 Соображений).

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 4(2022)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2022 год раздела «Документы».

Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/30826/.

закрытого типа; дети и их мать оставались там до их репатриации в Сербию 9 октября 2018 года. Таким образом, дети содержались в центре закрытого типа первый раз в течение четырех недель (с 14 августа по 10 сентября 2018 года), а затем второй раз – в течение трех недель и четырех дней (с 14 сентября по 9 октября 2018 года) (пункты 13.10, 13.11 Соображений).

Комитет отметил, во-первых, что, хотя это место содержания под стражей называлось семейным домом, на самом деле речь шла о центре содержания под стражей закрытого типа. В этой связи он счел, что лишение свободы детей по причинам, связанным с их миграционным статусом или миграционным статусом их родителей, в целом является несоразмерным¹⁶ и, следовательно, произвольным по смыслу статьи 37 «b» Конвенции (пункт 13.12 Соображений).

Комитет обратил внимание: государство-участник сочло, что эти длительные периоды содержания под стражей были обусловлены, в частности, многочисленными апелляциями, поданными матерью детей; например, автор сообщения подала ходатайство об освобождении накануне планируемой депортации, а затем подала ряд апелляций, вынудив государство-участник ждать решений соответствующих органов (пункт 13.13 Соображений).

Комитет констатировал, что государство-участник не рассматривало никаких альтернатив лишению детей свободы. Комитет установил: дети ранее жили с бабушкой по отцовской линии, не было никаких доказательств того, что национальные власти изучали возможность сохранения такого образа жизни или какого-либо другого подходящего решения, или что при принятии решений о назначении и продлении их содержания под стражей проводилась оценка наилучших интересов. Комитет счел, что, не рассмотрев возможные альтернативы содержанию детей под стражей, государство-участник не уделило должного внимания их наилучшим интересам в

¹⁶ A/HRC/28/68, п. 80 («В контексте применения административных мер, связанных с иммиграцией, выглядит очевидным, что лишение свободы детей в силу миграционного статуса их или их родителей никогда не соответствует наилучшим интересам ребенка, превышает требования необходимости, становится абсолютно несоразмерным и может представлять собой жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение с детьми-мигрантами»). См. также: *Манфред Новак*, «Глобальное исследование Организации Объединенных Наций по вопросу о положении детей, лишенных свободы», ноябрь 2019 года, с. 467 (где указано, что исследования неоднократно доказывали, что детям, содержащимся под стражей по причине их иммиграционного статуса, причиняется серьезный вред, что содержание под стражей иммигрантов всегда было связано с проблемами физического и психического здоровья, обусловленными либо тем, что дети содержались под стражей с существующими заболеваниями, которые усугублялись в заключении, особенно травмами, либо с новыми состояниями, возникающими в условиях содержания под стражей, такими как тревожность и депрессия).

качестве основного соображения ни во время их содержания под стражей, ни во время его продления (пункт 13.14 Соображений).

Выводы Комитета: содержание под стражей Е.Х., Р.Б., С.Б. и З.Б. представляло собой нарушение статьи 37 Конвенции, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьей 3 (пункт 13.15 Соображений).

вопросы неисполнения (несвоевременного исполнения) судебных актов, предусматривающих порядок общения родителей с ребенком¹⁷

Дело «*Н.Р. против Парагвая*». Соображения Комитета по правам ребенка от 3 февраля 2020 г. Сообщение № 30/2017¹⁸. Непринятие государством-участником эффективных мер для соблюдения права дочери автора сообщения на поддержание личных отношений и прямых контактов со своим отцом на регулярной основе лишило ее возможности пользоваться своими правами, закрепленными в Конвенции о правах ребенка. Учитывая конкретные обстоятельства данного дела, в частности длительный период времени, прошедший с момента принятия в 2015 году решения суда, устанавливающего режим общения, и, принимая во внимание юный возраст дочери автора на тот момент, Комитет по правам ребенка резюмировал, что власти не обеспечили своевременное исполнение решения суда на практике и не приняли необходимых мер для того, чтобы гарантировать общение автора со своей дочерью. Комитет пришел к выводу: это равносильно нарушению статьи 3, пункта 3 статьи 9 и пункта 2 статьи 10 Конвенции.

Правовые позиции Комитета: в соответствии с пунктом 3 статьи 9 Конвенции о правах ребенка государства-участники обязаны уважать право ребенка, который разлучается с одним или обоими родителями, поддерживать на регулярной основе личные отношения и прямые контакты с обоими родителями, за исключением случая, когда это противоречит принципу наилучшего обеспечения интересов ребенка: задача сохранения семейного окружения предусматривает также и сохранение связей ребенка в более широком смысле. Такие связи особенно важны в тех

¹⁷ **Для сведения:** в 2017 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2017 год раздела «Документы».

Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/26329/.

¹⁸ Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждал, что власти государства-участника не учитывали принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка, как этого требует статья 3 Конвенции о правах ребенка, так как не приняли никаких мер для исполнения решения, устанавливающего режим общения автора со своей дочерью.

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 5(2020)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2020 год раздела «Документы».

Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/29077/.

случаях, когда родители прекратили совместное проживание или живут в разных странах (пункт 8.4 Соображений).

Судебные разбирательства на предмет установления прав ребенка на общение с родителем, с которым он разлучен, должны проводиться оперативно, поскольку утраченное время может иметь непоправимые последствия для их отношений. Это подразумевает оперативное исполнение решений, принятых в результате таких разбирательств (пункт 8.7 Соображений).

Как правило, рассмотрение фактов и доказательств входит в компетенцию национальных органов власти за исключением случаев, когда подобное рассмотрение является очевидно произвольным или равнозначным отказу в правосудии. Задача Комитета состоит в обеспечении того, чтобы их оценка не была произвольной или равнозначной отказу в правосудии и чтобы первоочередное внимание при этой оценке уделялось наилучшему обеспечению интересов ребенка (пункт 8.5 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: было установлено, что: а) государство-участник не приняло необходимых мер для обеспечения исполнения окончательного судебного решения от 30 апреля 2015 года о режиме посещений и других формах контактов и что последствия этого решения по-прежнему имели место после 20 апреля 2017 года – даты вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника; б) автор сообщения был вынужден жаловаться на задержки в судебном разбирательстве; с) власти государства-участника не приняли ни одной из предусмотренных в его законодательстве мер для обеспечения исполнения вышеупомянутого окончательного судебного решения (пункт 8.3 Соображений).

Комитет отметил, что решением от 30 апреля 2015 года был установлен режим посещений для автора сообщения и его дочери. Однако несмотря на неоднократные просьбы автора на протяжении многих лет об исполнении этого решения и решения суда от 25 апреля 2017 года, предписывающего матери содействовать общению автора с К.Р. через программу «Skype», это решение так и не было исполнено. Комитет учел довод автора, не опровергнутый государством-участником, о том, что, несмотря на решение о привлечении социального работника и решение о принятии временной меры в виде организации общения через школу Сан-Хосе, К.Р. не могла воспользоваться своим правом на поддержание прямых, личных и регулярных контактов со своим отцом на протяжении более чем четырех лет (пункт 8.6 Соображений).

Комитет принял к сведению не оспоренный государством-участником довод автора о том, что, несмотря на его многочисленные попытки обеспечить соблюдение режима посещений, установленного решением суда от 30 апреля 2015 года, это решение не было исполнено, и ему не удавалось поддерживать регулярное и полноценное общение со своей дочерью на протяжении многих лет. В этой связи Комитет учел полученную социальным

работником от матери и включенную в решение суда от 25 апреля 2017 года информацию о том, что у нее не было финансовых средств для подключения к сети «Интернет» и что ее дочь сама не хотела приезжать к отцу на каникулах, поскольку не проводила с ним много времени. В момент вынесения своего решения суд счел, что общение девочки с отцом отвечало ее интересам. Если бы это судебное решение было исполнено на практике, можно было бы избежать проблемы постепенного отдаления девочки от отца. Комитет пришел к выводу, что власти не приняли в надлежащее время достаточных мер для обеспечения исполнения вышеупомянутого решения матерью ребенка (пункт 8.7 Соображений).

Выводы Комитета: непринятие государством-участником эффективных мер для соблюдения права дочери автора на поддержание личных отношений и прямых контактов со своим отцом на регулярной основе лишило ее возможности пользоваться своими правами, закрепленными в Конвенции о правах ребенка. Учитывая конкретные обстоятельства данного дела, в частности длительный период времени, прошедший с момента принятия в 2015 году решения суда, устанавливающего режим общения, и, принимая во внимание юный возраст дочери автора на тот момент, Комитет резюмировал, что власти не обеспечили своевременное исполнение решения суда на практике и не приняли необходимых мер для того, чтобы гарантировать общение автора со своей дочерью. Комитет пришел к выводу - это равносильно нарушению статьи 3, пункта 3 статьи 9 и пункта 2 статьи 10 Конвенции (пункт 8.8 Соображений).

вопросы оказания консульской защиты (осуществление государством экстерриториальной юрисдикции)

Дело «*Ф.Б. и другие и Д.А. и другие против Франции*». Соображения Комитета по правам ребенка от 8 февраля 2022 года. Сообщения № 77/2019, 79/2019, 109/2019¹⁹. По мнению Комитета по правам ребенка отказ государства-участника защитить детей-жертв, являвшихся гражданами Франции и находящихся в лагерях на территории Сирийской Арабской Республики, представлял собой нарушение их прав по статьям 3 и 37 Конвенции о правах ребенка и что отказ государства-участника защитить детей-жертв от неминуемой и предсказуемой угрозы их жизни представлял собой также нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

Правовые позиции Комитета: имеются обязательства государств-участников принимать позитивные меры для полного осуществления прав каждого ребенка, находящегося под их юрисдикцией, согласно статье 4 Конвенции о правах ребенка. Комитет считает, что эти обязательства усиливаются, когда речь идет о защите детей от жестокого обращения и рисков для их права на жизнь (пункт 6.6 Соображений).

Государство-участник несет позитивное обязательство по защите этих детей от неминуемого риска нарушения их права на жизнь, а также от фактического нарушения их права не подвергаться жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению (пункт 6.9 Соображений).

Наилучшие интересы ребенка должны быть главным соображением при принятии всех решений, затрагивающих детей. Комитет по правам ребенка также ссылается на пункт 18 своего Замечания общего порядка № 14 (2013), в котором упоминается, что бездействие или несовершенство действий, равно как и воздержание от действия, также считаются «действиями» (пункт 6.10 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: необходимо было определить, является ли с учетом обстоятельств данного дела непринятие государством-участником мер по защите детей-жертв, содержащихся в лагерях на территории Сирийской Арабской Республики, нарушением их прав по Конвенции. В частности, авторы сообщений утверждали, что в нарушение Конвенции о правах ребенка государство-участник не смогло репатриировать детей в качестве единственной

¹⁹ Как усматривалось из текста Соображений, авторы сообщений являлись гражданами Франции, за исключением Ф. Ф. – лица, являющегося гражданином Алжира и проживающего во Франции. Все жертвы были детьми французских граждан – членов семей авторов, которые оказались на территории Сирийской Арабской Республики. Некоторые из этих детей родились в Сирийской Арабской Республике, другие прибыли туда в очень раннем возрасте вместе со своими родителями. На момент рассматриваемых событий они содержались на северо-востоке страны, в отдельных лагерях. Авторы утверждали, что государство-участник не приняло необходимых мер для репатриации детей во Францию, что, по их мнению, является нарушением статей 2, 3, 6, 19, 20, 24 и 37 Конвенции по правам ребенка (пункт 1.2 Соображений).

возможной меры для обеспечения им необходимого ухода, гарантии их права на жизнь и развитие и защиты от произвольного задержания и жестокого обращения²⁰ (пункт 6.2 Соображений).

Комитет отметил противоречивые аргументы сторон относительно существования в международном публичном праве или международном праве прав человека обязательства по репатриации граждан или содержания понятия «консульская помощь», которую государство должно оказывать своим гражданам, находящимся за пределами его территории. Однако для Комитета остался открытым вопрос о том, приняло ли государство-участник в конкретном контексте сообщений все необходимые меры, руководствуясь принципом наилучшего обеспечения интересов ребенка в качестве основного соображения, для осуществления прав, признанных в Конвенции, и гарантирования их детям-жертвам, находящимся под его юрисдикцией (пункт 6.3 Соображений).

Комитет принял к сведению аргумент государства-участника об отсутствии у него возможностей для репатриации детей, которая зависит не только от воли государства-участника, но и от согласия властей северо-восточной Сирии и матерей детей и которую затрудняют препятствия, касающиеся идентификации детей и безопасности таких операций. Комитет повторил в данном случае свой вывод о приемлемости в том смысле, что в силу связи государства-участника с гражданством детей, содержащихся в

²⁰ В Решении о приемлемости указанных сообщений от 4 февраля 2021 года Комитет по правам ребенка обратил внимание на следующие правовые позиции.

«[В] соответствии с Конвенцией о правах ребенка государства обязаны уважать и обеспечивать права детей в пределах своей юрисдикции, однако Конвенция не ограничивает юрисдикцию государства территорией. Помимо эффективного контроля, который государство может осуществлять над территорией или лицами за пределами своих границ, оно может осуществлять юрисдикцию над действиями, которые совершаются или имеют прямые и предсказуемые последствия за пределами национальных границ. В контексте миграции Комитет постановил, что в соответствии с Конвенцией государства должны брать на себя экстерриториальную ответственность за защиту детей, являющихся их гражданами, за пределами своей территории, действуя через механизм консульской защиты с учетом интересов детей и при соблюдении их прав человека. В деле *«С. Е. против Бельгии»* Комитет счел, что Бельгия обладает юрисдикцией для обеспечения прав живущего в Марокко ребенка, который был разлучен с бельгийско-марокканской парой, взявшей его на воспитание в рамках системы кафала» (пункт 8.6 Решения Комитета по правам ребенка от 4 февраля 2021 года по делу *«Ф.Б. и другие и С.Б. и другие против Франции»*. Сообщения № 77/2019, 79/2019, 109/2019).²⁰

«[Г]осударство-участник как государство, гражданами которого являются дети, имеет возможность и полномочия обеспечивать защиту прав соответствующих детей путем принятия мер по их репатриации или оказывать им консульскую поддержку» (пункт 8.8 Решения Комитета по правам ребенка от 4 февраля 2021 года по делу *«Ф.Б. и другие и С.Б. и другие против Франции»*. Сообщения № 77/2019, 79/2019, 109/2019).

лагерях, имеющейся у него информации о детях с французским гражданством, находившихся в лагерях, и его связи с сирийскими властями государство-участник имеет возможность и полномочия для защиты прав детей, о которых идет речь, посредством принятия мер по их репатриации или других консульских мер. Об этой возможности свидетельствовал тот факт, что государство-участник уже успешно репатриировало более 30 французских детей, не сообщив ни о каких инцидентах при осуществлении этих репатриаций или об отказе в сотрудничестве со стороны властей (пункт 6.4 Соображений).

Комитет также учел довод авторов о том, что детям-жертвам, большинство из которых составляли младенцы, едва удавалось выжить в лагерях для военнопленных, где они содержались, находясь в зоне боевых действий, жили в нечеловеческих санитарных условиях и не имели возможности удовлетворить свои основные потребности, включая доступ к воде, пище и медицинскому обслуживанию, что подвергало их жизни неминуемому риску. Государство-участник утверждало, что авторы не продемонстрировали – дети, о которых шла речь в сообщениях, подвергались конкретным рискам, а лишь упомянули об общей ситуации в указанных лагерях. Однако Комитет отметил, что описанные обстоятельства, связанные с безопасностью, ограничением передвижения и состоянием здоровья, применимы ко всем детям, содержащимся в лагерях, включая детей-жертв, которые не могут избежать условий содержания и условий жизни, применимых к другим обитателям лагерей. Комитет счел: вред был определен в достаточной степени и что отсутствовали основания полагать, что дети, конкретно названные в этих сообщениях, подвергаются меньшему риску, чем другие обитатели лагеря (пункт 6.5 Соображений).

Комитет отметил, что о ситуации, связанной с непосредственным риском для жизни детей, содержащихся в лагерях в Сирийской Арабской Республике, сообщалось в нескольких международных докладах. Эта ситуация была хорошо известна государству-участнику, которое по собственной инициативе приняло решение о репатриации нескольких из этих детей (пункт 6.6 Соображений).

Что касается статьи 6 Конвенции о правах ребенка, то Комитет принял к сведению подкрепленные доказательствами аргументы авторов о том, что многие дети, живущие в лагерях, умерли, такие смерти продолжают происходить и что описанные условия, включая отсутствие пищи и воды, представляли собой неминуемую и предсказуемую угрозу для жизни всех детей, содержащихся в лагерях. Комитет подчеркнул: государство-участник не отрицало условий жизни в лагерях, описанных авторами и третьей стороной. В свете вышеизложенного Комитет счел: имелась информация для установления того, что условия содержания представляли собой неминуемую и предсказуемую угрозу для жизни детей-жертв и неспособность государства-участника защитить их представляла собой нарушение статьи 6 Конвенции (пункт 6.7 Соображений).

Что касается утверждений авторов относительно статьи 37 Конвенции, то Комитет счел: имелись доказательства того, что длительное содержание детей-жертв в лагерях в описанных условиях, включая, в частности, отсутствие медицинской помощи, питания, воды, санитарных условий и возможностей для образования, влияло на их развитие и представляло собой жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание в нарушение статьи 37 Конвенции (пункт 6.8 Соображений).

Выводы Комитета: отказ государства-участника защитить детей-жертв представлял собой нарушение их прав по статьям 3 и 37 Конвенции и что отказ государства-участника защитить детей-жертв от неминуемой и предсказуемой угрозы их жизни представлял собой нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции (пункт 6.11 Соображений).

В сфере гражданско-правовых отношений

вопросы обеспечения права на образование²¹

Дело «*Х.М. против Испании*». Соображения Комитета по правам ребенка от 31 мая 2021 года. Сообщение № 115/2020²². Поскольку государство-участник не привело никаких дополнительных причин того, почему А.Е.А. (сын автора сообщения), не был немедленно зачислен в школу после официального

²¹ Для сведения: в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на образование*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы».

Режим доступа: URL: http://www.vsr.ru/documents/international_practice/28445/.

²² Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждала: поскольку А.Е.А. (сын автора сообщения) родился в г. Мелилье и его проживание в этом городе было убедительно доказано, то отказ зачислить его в школу можно было объяснить только дискриминацией в нарушение статьи 2 Конвенции о правах ребенка на основании его марокканского происхождения и отсутствия у него законного вида на жительство (пункт 3.1 Соображений). Автор ссылалась на Замечание общего порядка № 1 (2001) Комитета по правам ребенка, согласно которому «дискриминация по любым признакам, перечисленным в статье 2 Конвенции, независимо от того, является ли она явной или скрытой, оскорбляет человеческое достоинство ребенка и может подорвать и даже свести на нет способность ребенка пользоваться возможностями, связанными с образованием» (пункт 10 Соображений).

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 10(2021)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2021 год раздела «Документы».

Режим доступа: URL: http://www.vsr.ru/documents/international_practice/30437/.

подтверждения его фактического местожительства в г. Мелилье, то Комитет решил – его право на доступ к образованию в соответствии со статьей 28 Конвенции о правах ребенка было нарушено. Комитет также счел, что непосещение А.Е.А. школы в течение почти 2 лет представляло собой нарушение его права на недискриминацию по смыслу статьи 2 Конвенции, рассматриваемой в совокупности со статьей 28 данного международного договора. Комитет установил, что наилучшие интересы А.Е.А. не были первоочередным соображением при проведении процедуры его превентивного обучения в школе в нарушение пункта 1 статьи 3 Конвенции, рассматриваемого в совокупности со статьей 28 Конвенции о правах ребенка.

Правовые позиции Комитета: согласно статье 2 Конвенции о правах ребенка государства-участники должны уважать и обеспечивать доступ к образованию для всех детей, находящихся под их юрисдикцией, без каких-либо различий. В то же время, поскольку осуществление закрепленных в Конвенции прав обусловлено наличием доступа к образованию, то необходимо, чтобы в любом процессе, направленном на получение ребенком школьного образования, первоочередное внимание уделялось наилучшим интересам ребенка (пункт 12.2 Соображений).

Право на образование «является воплощением неделимости и взаимозависимости всех прав человека» и его важность такова, что в Конвенции о правах ребенка закреплено не только право каждого ребенка на доступ к образованию (статья 28), но и «индивидуальное и субъективное право на конкретное качество образования». Кроме того, право на образование должно быть гарантировано всем детям обязательного школьного возраста независимо от их гражданства или административного статуса (пункт 12.4 Соображений).

В статье 2 Конвенции недвусмысленно закреплено обязательство уважать и обеспечивать предусмотренные в ней права. Из этого следует – *обязательство соблюдать* право на образование требует, чтобы государства-участники избегали принятия мер, препятствующих или затрудняющих осуществление права на образование. Согласно *обязательству защищать* указанные права государства-участники должны принимать меры по предупреждению вмешательства третьих сторон в осуществление права на образование. *Обязательство выполнять (содействовать)* предусматривает принятие государствами-участниками позитивных мер, обеспечивающих отдельным лицам и общинам возможность и содействие в пользовании правом на образование. По общему правилу, государства-участники обязаны выполнять (обеспечивать) какое-либо конкретное право по Пакту, когда лицо или группа лиц по не зависящим от них причинам не могут самостоятельно воспользоваться этим правом, опираясь на имеющиеся у них средства (пункт 12.6 Соображений).

Дискриминация, запрещенная статьей 2 Конвенции, может быть «явной или скрытой». Это означает, что дискриминация может быть де-юре или де-факто, а также прямой или косвенной²³ (пункт 12.8 Соображений).

²³ Для сведения: в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов,*

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: по делу надлежало выяснить следующие три вопроса: а) нарушило ли государство-участник право А.Е.А. на доступ к образованию по смыслу статьи 28 Конвенции о правах ребенка; б) представлял ли отказ в зачислении А.Е.А. в школу дискриминационное обращение по смыслу статьи 2 Конвенции, рассматриваемой в совокупности со статьей 28 Конвенции; и с) учитывались ли в ходе процесса, в рамках которого запрашивалось временное зачисление А.Е.А. в школу, его наилучшие интересы по смыслу статьи 3 Конвенции, также рассматриваемой в совокупности со статьей 28 Конвенции.

Комитет принял к сведению довод автора о том, что, несмотря на формальное признание этого права во внутреннем законодательстве, факты показывали, что А.Е.А., как и все дети, проживающие в г. Мелилье, не имея постоянного статуса, на практике сталкиваются с препятствиями, которые не позволяют им посещать школу. Комитет отметил: в данном случае и государство-участник, и автор согласны с тем, что право на образование на территории государства-участника признается однозначно за всеми детьми на равных основаниях, независимо от их гражданства или административного статуса (пункт 12.4 Соображений).

Комитет подчеркнул: как признало государство-участник, провинциальная бригада по делам иностранцев и пограничного контроля Национальной полиции Испании после посещения дома А.Е.А. в ноябре 2020 года подтвердила факт его проживания вместе с семьей по адресу, указанному автором в ее заявлениях, которые она подавала в судебные и административные органы. Комитет также отметил утверждение автора, не оспоренное государством-участником, согласно которому сестра А.Е.А. была зачислена в школу с 2018/19 учебного года. Наконец, Комитет подчеркнул, что, несмотря на подтверждение национальной полицией Испании фактического местожительства, соответствующий орган образования продолжал требовать подтверждения факта его «проживания на законных основаниях», что препятствовало зачислению А.Е.А. в школу, пока Министерство образования и профессиональной подготовки Испании не реализовало свои полномочия и не приняло решение о его зачислении в школу. Все вышесказанное свидетельствовало – хотя в национальном законодательстве признается право на образование за всеми детьми, независимо от их административного статуса, однако на практике компетентные местные органы образования продолжали требовать от А.Е.А. подтверждения факта проживания в г. Мелилье на законном основании в

действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица не подвергаться дискриминации. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2018 год раздела «Документы».

Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/27156/.

качестве условия для получения доступа к системе образования (пункт 12.5 Соображений).

Комитет принял к сведению довод государства-участника о том, что ни один из представленных автором документов не являлся серьезным доказательством ее фактического местожительства; с точки зрения Комитета, документы, представленные автором для подачи заявления о зачислении А.Е.А. в школу, содержали указание на ее местожительство, что налагало на государство-участника позитивное обязательство провести необходимые проверки для подтверждения ее фактического местожительства. Комитет отметил следующее – в данном случае национальная полиция Испании подтвердила фактическое местожительство А.Е.А. после посещения его дома в ноябре 2020 года, то есть почти через полтора года после подачи автором заявления о зачислении ее сына в школу. Комитет счел, что помимо обязательства зачислить А.Е.А. в школу сразу после подтверждения его фактического местожительства в г. Мелилье государство-участник должно было принять все необходимые меры для подтверждения его фактического местожительства в ускоренном порядке. Комитет не смог согласиться с тем, что 1,5 года – это разумный срок для выполнения данного обязательства. Поскольку государство-участник не привело никаких дополнительных причин того, почему А.Е.А. не был немедленно зачислен в школу после официального подтверждения его фактического местожительства в г. Мелилье, то Комитет решил – его право на доступ к образованию в соответствии со статьей 28 Конвенции было нарушено (пункт 12.7 Соображений).

Что касается второго подлежащего выяснению вопроса о том, являлся ли отказ в зачислении А.Е.А. в школу дискриминационным обращением по смыслу статьи 2 Конвенции, то Комитет установил: в данном деле имел место де-факто явно дифференцированный подход, основанный на отсутствии у А.Е.А. постоянного административного статуса и, следовательно, на его национальном происхождении. Комитет вновь отметил – хотя само государство-участник признало, что лица, проживающие на его территории, имеют неограниченное право на образование, однако автор сообщения продемонстрировала, что, даже когда национальная полиция Испании официально подтвердила фактическое местожительство А.Е.А. в г. Мелилье, то местные власти продолжали отказываться зачислить его в школу. В отсутствие какого-либо обоснования государством-участником такого дифференцированного подхода, основанного на административном статусе А.Е.А., Комитет счел, что непосещение А.Е.А. школы в течение почти 2 лет представляло собой нарушение его права на недискриминацию по смыслу статьи 2 Конвенции, рассматриваемой в совокупности со статьей 28 (пункт 12.8 Соображений).

Что касается нарушения статьи 3 Конвенции о правах ребенка, то Комитет отметил – государство-участник не представило информацию о том, каким образом наилучшие интересы А.Е.А. были основным соображением в

ходе судебных и административных разбирательств, в которых он участвовал в связи с заявлением о его временном зачислении в школу. Комитет подчеркнул: Административный суд г. Мелильи отказал А.Е.А. во временном зачислении в школу, решив, что «общественные интересы должны превалировать над всего лишь расчетом родителей на то, что их ребенок будет иметь доступ [...] к испанской системе образования». В контексте заявления о временном обучении до определения фактического местожительства А.Е.А. суд по своему усмотрению вышел за рамки проверки фактического местожительства и осуществил оценку интересов. Суд взвесил обобщенный и неподтвержденный ущерб, который может быть причинен всем детям школы, где мог бы обучаться А.Е.А. в случае его приема, счел его большим, чем выгоды, которые А.Е.А. получил бы от временного доступа к системе образования. Более того, суд сделал вывод – для А.Е.А. было бы хуже получить временный доступ к образованию, который впоследствии мог быть аннулирован. Об отсутствии индивидуального подхода к учету наилучших интересов А.Е.А. свидетельствовал тот факт, что суд заявил: не известно, говорит ли он по-испански или имеет академический уровень, сопоставимый с уровнем учеников школы, которую он хотел посещать. Кроме того, суд не принял во внимание тот факт, что его сестра до этого в школу была зачислена. В свете вышеизложенного Комитет счел, что наилучшие интересы А.Е.А. не были первоочередным соображением при проведении процедуры его превентивного обучения в школе в нарушение пункта 1 статьи 3 Конвенции, рассматриваемого в совокупности со статьей 28 Конвенции (пункт 12.9 Соображений).

Выводы Комитета: были нарушены статья 28 Конвенции, статья 2 Конвенции, рассматриваемая в совокупности со статьей 28 Конвенции, а также пункт 1 статьи 3 Конвенции, рассматриваемой в совокупности со статьей 28 Конвенции о правах ребенка.

В сфере семейно-правовых отношений²⁴

вопросы реализации судами положений Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах похищения детей от 25 октября 1980 года

Дело «*Н.Е.Р.А. против Чили*». Соображения Комитета по правам ребенка от 1 июня 2022 года. Сообщение № 121/2020²⁵. По мнению Комитета по

²⁴ Для сведения: в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsr.ru/documents/international_practice/28123/.

правам ребенка, решение Верховного суда Чили о возвращении Х.М. (сына автора сообщения) в Испанию во исполнение положений Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года не соответствовало условию, вытекающему из его права на первоочередной учет его наилучших интересов, в нарушение пункта 1 статьи 3 Конвенции о правах ребенка, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьями 9 и 23. С точки зрения Комитета, допущены нарушения Конвенции о правах ребенка.

Правовые позиции Комитета: рассмотрение фактов и доказательств и толкование норм национального законодательства входит в компетенцию национальных органов, за исключением тех случаев, когда подобное рассмотрение или толкование является очевидно произвольным или равносильным отказу в правосудии. Комитет считает, что в случаях международного возвращения детей и подростков роль Комитета по правам ребенка заключается не в том, чтобы решать, была ли правильно истолкована или применена национальными судами Гаагская конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года, а в том, чтобы обеспечить соответствие такого

²⁵ Как усматривалось из текста Соображений, автор сообщения утверждала, что, приняв решение о возвращении ее ребенка (Х.М.) в Испанию, государство-участник нарушило ее права по статьям 3, 9, 11 и 23 Конвенции по правам ребенка. В отношении статьи 3 Конвенции автор сообщения напомнила, что концепция обеспечения наилучших интересов ребенка является основным правом, принципом толкования норм права и правилом процедуры. Автор сообщения подчеркнула особую уязвимость ее сына, у которого диагностирован аутизм. Она утверждала, что конкретно в его деле Верховный суд Чили не рассмотрел обстоятельств наилучшего обеспечения интересов ребенка и не придавал им должного значения, поскольку, как указано в его постановлении, он основывал свое решение исключительно на положениях Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года, а не на соблюдении по форме и по существу принципа, закрепленного в статье 3 Конвенции. В отношении статьи 9 Конвенции автор утверждала, что из-за аутизма Х.М. его разлучение с матерью будет иметь серьезные и потенциально необратимые последствия для его психического здоровья. В отношении статьи 11 Конвенции автор сообщения утверждала, что государство-участник не должно было передавать ребенка в государство, если имеются разумные основания полагать, что ему будет угрожать реальная опасность причинения непоправимого вреда. Автор также обратила внимание на то, что в нарушение статьи 23 Конвенции Верховный суд Чили не учел должным образом во внимание состояние Х. М., у которого в раннем возрасте был диагностирован аутизм и который получал медицинскую помощь в Чили. Его перемещение в Испанию на практике привело бы к разлуке с матерью, являвшейся его основным опекуном, с которой он чувствовал себя в безопасности и установил самые крепкие эмоциональные связи (пункты 3.1-3.4 Соображения).

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 1(2023)*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2023 год раздела «Документы».

Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/32210/.

толкования или применения обязательствам, установленным Конвенцией о правах ребенка (пункт 7.4 Соображения).

Комитет напоминает: согласно пункту 1 статьи 3 Конвенции о правах ребенка государства-участники должны обеспечить первоочередной учет наилучших интересов ребенка во всех действиях или решениях, предпринимаемых в отношении детей государственными учреждениями. Комитет также обращает внимание на то, что решение о возвращении ребенка в другую страну является «действием» по смыслу статьи 3 Конвенции. Комитет подчеркивает, что наилучшие интересы ребенка должны быть «скорректированы и определены на индивидуальной основе в соответствии с конкретной ситуацией ребенка с учетом его личного контекста, положения и потребностей» (пункт 8.2 Соображения).

Комитет отмечает, что Конвенция о правах ребенка должна толковаться в соответствии с общими принципами международного права. При любом таком толковании необходимо должным образом учитывать контекст применения Конвенции, который согласно подпункту «с» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров, включает «любые соответствующие нормы международного права, применимые в отношениях между сторонами», и, в частности, нормы, касающиеся международной защиты прав человека. Относительно международного похищения детей Конвенция о правах ребенка должна толковаться с учетом обязательств государств-участников по Гаагской конвенции, тем более что, как признает государство-участник, на основании статьи 11 Конвенции о правах ребенка государства-участники должны принимать меры против незаконного вывоза и удержания детей за границей, в том числе путем присоединения к таким соглашениям, как Гаагская конвенция (пункт 8.3 Соображения).

Комитет признает сложность и разнообразие обстоятельств, которые могут возникнуть в каждом конкретном случае, а также тот факт, что цели Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, а именно: предотвращение похищения детей и их немедленное возвращение, направлены на обеспечение защиты наилучших интересов ребенка²⁶. Комитет отмечает, что Гаагская конвенция устанавливает презумпцию того, что обеспечение наилучших интересов ребенка означает его немедленное возвращение. Однако эта презумпция может быть опровергнута исключениями, установленными в статьях 12, 13 и 20 Гаагской конвенции, в соответствии с которыми в каждом конкретном случае требуется определение того, будет ли в действительности такое

²⁶ Среди прочего, Гаагская конвенция направлена на защиту права детей не быть незаконно вывезенными или удержанными, на то, чтобы решение об опеке или попечительстве принималось судьей по месту их обычного проживания, на поддержание регулярных контактов с обоими родителями и их семьями и на быстрое разрешение просьбы о возвращении. См.: Пояснительный доклад докладчика по Гаагской конвенции, пп. 11 и 24–25.

возвращение вступать в явное противоречие с обеспечением наилучших интересов ребенка. В таких случаях наилучшие интересы ребенка по смыслу статьи 3 Конвенции о правах ребенка являются основным соображением при принятии решения о возвращении. Комитет отмечает: вышесказанное не означает, что решение о международном возвращении ребенка, принятое национальным судом исключительно на основании Гаагской конвенции, в обязательном порядке обеспечивает соблюдение обязательств государства-участника по Конвенции о правах ребенка. В частности, поскольку право ребенка на то, чтобы его наилучшие интересы учитывались в первую очередь, предполагает применение процессуальных гарантий и толковательных стандартов, нельзя просто заявить, что все решения национальных судов, принятые исключительно на основании Гаагской конвенции, неизбежно приведут к соблюдению статьи 3 Конвенции о правах ребенка. Именно национальные суды должны обеспечить соблюдение стандартов статьи 3 Конвенции о правах ребенка в каждом решении, в котором применяются или используются исключения, предусмотренные статьями 12, 13 и 20 Гаагской конвенции (пункт 8.4 Соображения).

Комитет считает, что при принятии решений по делам о международном похищении детей национальные суды должны, во-первых, эффективно оценивать факторы, которые могут составлять исключение из обязательства немедленно вернуть ребенка (согласно статьям 12, 13 и 20 Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей), в частности, когда такие факторы поднимаются одной из сторон разбирательства, а также принимать достаточно обоснованное решение по этому вопросу. Во-вторых, такие факторы должны оцениваться с учетом обеспечения наилучших интересов ребенка. Комитет подчеркивает – второе условие в значительной степени зависит от фактических определений, которые, как правило, относятся к юрисдикции национальных судов. Комитет отмечает: учитывая, что Гаагская конвенция призвана обеспечить справедливый баланс между стандартом, устанавливающим презумпцию в пользу международного возвращения ребенка, и факторами, которые в определенных случаях могут сделать такое возвращение противоречащим наилучшим интересам ребенка, представляется маловероятным, что надлежащее соблюдение вышеупомянутых процедурных гарантий приведет к существенному нарушению статьи 3 Конвенции (пункт 8.5 Соображения).

Комитету известно, что целью Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей является возвращение детей в страны их обычного проживания, чтобы в случае необходимости вопросы опеки и защиты детей решались в данной юрисдикции. Он также отмечает – решения о возвращении должны приниматься в оперативном порядке с целью обеспечения надлежащего восстановления нормального положения ребенка и практических гарантий осуществимости возвращения,

во избежание искажения цели и объекта Гаагской конвенции²⁷. В связи с этим Комитет считает, что в соответствии с принципом обеспечения наилучших интересов ребенка следует придерживаться строгого толкования исключений из обязательства вернуть ребенка, установленных в Гаагской конвенции. От национальных судей, призванных применять Гаагскую конвенцию, нельзя требовать такого же уровня изучения наилучших интересов ребенка, как и от судей, призванных принимать решения об опеке, порядке посещения или других связанных с этим вопросов, особенно в случае отсутствия доступа первого из вышеупомянутых судей к тем же доказательствам и информации, что и судей страны обычного проживания. Тем не менее судья, выносящий решение о возвращении, должен оценить с учетом ограниченных исключений, установленных в Гаагской конвенции, и в соответствии с требованиями статьи 3 Конвенции о правах ребенка степень, в которой возвращение может нанести ребенку физический или психологический ущерб или иным образом будет явно противоречить его наилучшим интересам (пункт 8.6 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: принят к сведению аргумент автора сообщения о том, что в своем решении Верховный суд Чили неправильно применил концепцию обеспечения наилучших интересов ребенка как по форме, так и по существу. Во-первых, Комитет счел, что рассмотрение этого утверждения не означало взятие им на себя роли апелляционного органа или пересмотр толкования судами норм национального законодательства, действующих в государстве-участнике; скорее, это могло означать рассмотрение вопроса о соответствии внутренних решений обязательствам государства-участника по Конвенции о правах ребенка согласно статье 5 Факультативного протокола. Во-вторых, Комитет отметил, что, поскольку принцип обеспечения наилучших интересов ребенка, закрепленный в статье 3 Конвенции о правах ребенка, налагает как процедурные, так и материальные обязательства, то в компетенцию Комитета входит проверка соответствия этим обязательствам аргументации, лежащей в основе решений, принятых национальными судами. В-третьих, Комитет указал, что само существо утверждений автора сообщения заключается в определении объема обязательств государства-участника по Конвенции о правах ребенка в отношении решений, принятых на основе Гаагской конвенции (пункт 7.4 Соображения).

Комитет принял к сведению аргумент автора сообщения о том, что решение о возвращении Х.М. (сын автора сообщения) в Испанию нарушит статьи 9 и 23 Конвенции о правах ребенка, поскольку его возвращение будет иметь серьезные и потенциально необратимые последствия для его психического здоровья, особенно с учетом его заболевания (аутизм), так как это повлечет за собой его разлуку с матерью, которая являлась его основным опекуном и человеком, с кем у него установлены самые крепкие

²⁷ См.: Пояснительный доклад докладчика по Гаагской конвенции, п. 22.

эмоциональные связи. Комитет отметил: данные утверждения основаны на фактической предпосылке, сводящейся к тому, что возвращение Х.М. повлечет за собой его разлуку с матерью. Комитет напомнил, что в его функции, как правило, не входит установление или пересмотр вопросов фактов, определенных национальными судами. Однако, поскольку автор сообщения утверждал, что Верховный суд Чили не уделил должного внимания ее возможному расставанию с Х.М. и тому влиянию, которое такое расставание окажет на ребенка ввиду его особой уязвимости, то Комитет счел: эти утверждения были достаточно обоснованы для целей приемлемости, поскольку они могут быть признаны равносильными нарушениям статьи 3 Конвенции о правах ребенка в совокупности со статьями 9 и 23 (пункт 7.5 Соображения).

Комитет признал приемлемыми утверждения автора сообщения согласно статье 3 Конвенции в совокупности со статьями 9 и 23, поскольку, вероятно, наилучшие интересы Х.М. не были должным образом учтены, в частности в связи с его возможной разлукой с матерью и тем влиянием, которое это окажет на его психическое здоровье с учетом его заболевания (пункт 7.7 Соображения).

Комитет должен был определить, был ли учет наилучших интересов ребенка основным соображением согласно статье 3 Конвенции при принятии Верховным судом Чили решения о возвращении Х.М. в Испанию в порядке реализации положений Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (пункт 8.2 Соображения).

Комитет принял к сведению аргумент государства-участника о том, что применение Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей непосредственно направлено на обеспечение выполнения его обязательства учитывать наилучшие интересы ребенка в соответствии с Конвенцией о правах ребенка и поэтому нельзя утверждать, что Верховный суд Чили не учел наилучшие интересы Х.М. (пункт 8.3 Соображения).

Рассмотрев первоначальный вопрос о стандарте, применяемом в соответствии со статьей 3 Конвенции о правах ребенка к случаям международного возвращения детей, Комитет должен был определить, в какой степени в конкретном случае с Х.М. в решении Верховного суда Чили соблюдался этот стандарт. Комитет принял к сведению довод государства-участника о том, что все решения были должным образом обоснованы и мотивированы. Он также отметил – после тщательного анализа доказательств и применимых стандартов Первый суд по семейным делам г. Винья-дель-Мар, чье решение было позже подтверждено в апелляции, согласно пункту «а» статьи 13 Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей отклонил ходатайство о возвращении Х.М. на основании того, что отец дал согласие на пребывание ребенка в государстве-участнике. Суд по семейным делам также отметил: следует уделить должное внимание тому факту, что возвращение Х.М.

создаст для него «пагубную и вредную среду», особенно в свете его особой уязвимости из-за потенциальной разлуки с матерью, роль которой в жизни Х.М. особенно важна с учетом его состояния. Эти выводы стали частью анализа наилучших интересов ребенка в значении, предусмотренном Конвенцией о правах ребенка. Комитет отметил, что решением Верховного суда Чили постановление суда по семейным делам было отменено на том основании, что доказанные факты не могли быть истолкованы как согласие отца сделать Чили местом постоянного проживания Х.М. Комитет отметил, что Верховный суд в своем решении указал: автор сообщения не доказала наличие серьезного риска в связи с запрошенным возвращением²⁸ (пункт 8.7 Соображения).

Комитет счел, что решение Верховного суда Чили не опровергло должным образом ряд элементов, установленных и включенных в решение суда первой инстанции, а также подтвержденных Апелляционным судом, которые имели значение для определения того, должен ли Х.М. быть возвращен в Испанию, прежде всего с учетом его особой уязвимости, вызванной аутизмом, а также его потенциальной разлуки с матерью, занимающей в его жизни важное место в связи с его состоянием. Вышесказанное тем более имело значение в связи с тем, что данным решением были опровергнуты выводы нижестоящих судов в отношении исключения, установленного в пункте «а» статьи 13 Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей. Несмотря на понимание того, что разлука, какой бы тяжелой она ни была для ребенка, автоматически не отвечает критерию серьезности риска, например, в свете требований пункта «b» статьи 13 Гаагской конвенции, необходимо было должным образом рассмотреть реальную возможность для родителя вернуться в страну обычного проживания ребенка и поддерживать с ним контакт, особенно в деле, подобном делу Х.М., учитывая описанные выше обстоятельства. В частности, особое внимание следовало уделить его юному возрасту на момент вынесения решения Верховным судом Чили (три года), тому факту, что автор сообщения была особым лицом для Х.М. во время его лечения аутизма в государстве-участнике в течение предыдущих двух лет, а также тому, что в отношении автора был выдан ордер на арест в Испании. Комитет отметил: в решении Верховного суда Чили говорится только о правах отца и ничего не говорится о правах или наилучших интересах Х.М. Соответственно, не вдаваясь в обсуждение оценки Верховным судом Чили фактов и применимых стандартов, Комитет счел: отсутствие достаточной аргументации в решении Верховного суда Чили не позволило ему

²⁸ Автор сообщения сослалась на исключение, предусмотренное пунктом «b» статьи 13 Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, на основании того, что предполагаемая зависимость отца (большую часть дня отец проводил в общении с незнакомыми людьми в сети «Интернет») может подвергнуть опасности Х.М., утверждение, которое Верховный суд Чили счел недоказанным.

подтвердить, что суд эффективно оценил описанные выше факторы (пункт 8.8 Соображения).

Комитет установил, что решение Верховного суда Чили предписывало немедленное возвращение Х.М. в Испанию без указания условий, на которых должно состояться его возвращение. Комитет отметил, что промежуточное слушание, состоявшееся 6 ноября 2020 года, было ограничено исполнением постановления о возвращении и поэтому не могло исправить неспособность Верховного суда эффективно оценить факторы, которые могут представлять собой исключение из обязательства немедленно вернуть ребенка. Комитет счел: суд, выносящий постановление о возвращении ребенка, на момент вынесения такого постановления должен быть уверен в том, что будут приняты все необходимые меры для его безопасного возвращения. Комитет отметил – решение о возвращении Х.М. в Испанию не соответствовало условию, вытекающему из его права на первоочередной учет его наилучших интересов, в нарушение пункта 1 статьи 3 Конвенции, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьями 9 и 23 (пункт 8.9 Соображения).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении государством-участником пункта 1 статьи 3 Конвенции, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьями 9 и 23 (пункт 8.10 Соображения).

В сфере уголовно-процессуальных отношений

запрет пыток, иного недопустимого обращения, в том числе в аспекте обязанности государства провести эффективное расследование случаев допущенного насилия²⁹

Дело «*Н.Б. против Грузии*». Соображения Комитета по правам ребенка от 1 июня 2022 года. Сообщение № 84/2019³⁰. Комитет по правам

²⁹ Для сведения: в 2022 году было актуализировано (по состоянию на 1 декабря 2022 года) *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов по вопросам защиты права лица не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию*.

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2022 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/31960/.

³⁰ Как усматривалось из текста Соображений, автор сообщения в том числе заявлял о нарушении его прав по статье 19 Конвенции о правах ребенка. Он утверждал: государство-участник не приняло соответствующих законодательных мер по запрещению всех форм насилия в отношении детей, включая телесные наказания, как это было рекомендовано Комитетом по правам ребенка после рассмотрения четвертого периодического доклада государства-участника. Он указал на отсутствие прямого запрета телесных наказаний в официальных учреждениях по уходу за детьми младшего возраста

человека счел, что обращение в виде телесного наказания, которому подвергся автор сообщения в детском саду, было формой насилия в отношении ребенка, как это определено в статье 19 Конвенции о правах ребенка. Учитывая особую уязвимость автора как ребенка в возрасте 3,5 лет, статус воспитательницы, наделенной властью и контролем над автором, а также роль детского сада в обеспечении базовой государственной услуги, представлявшей общий интерес и заключавшейся в заботе о детях и их образовании, Комитет пришел к выводу: государство-участник не приняло во внимание травмы, полученные автором, когда он находился под опекой государственного детского сада, и что поэтому ответственность государства-участника за его травмы наступает в соответствии со статьей 19 Конвенции. Комитет также резюмировал: национальные власти не приложили должных усилий и не провели оперативного и эффективного расследования предполагаемых телесных наказаний в нарушение обязательств государства-участника по статье 19 Конвенции о правах ребенка.

Правовые позиции Комитета: напоминая о своем Замечании общего порядка № 8, Комитет пояснил, что формулировка статьи 19 Конвенции основывается на статье 4 и четко указывает на необходимость принятия законодательных, а также других мер для выполнения обязательства государств защищать детей от всех форм насилия, включая телесные наказания (пункт 7.2 Соображений).

Статья 19 Конвенции о правах ребенка сформулирована как в материальном, так и в процедурном плане (пункт 7.3 Соображений).

Комитет определяет «телесное» или «физическое» наказание как любое наказание, при котором применяется физическая сила и которое призвано причинить определенную боль или дискомфорт, какими бы легкими они ни были. В большинстве случаев это предполагает нанесение детям ударов («порка», «шлепание», «трепка») рукой или каким-либо предметом (кнутом, палкой, ремнем, туфлей или деревянной ложкой) (пункт 7.4 Соображений).

Бремя доказывания не может возлагаться только на автора сообщения, особенно учитывая то, что автор и государство-участник не всегда имеют равные возможности для получения доказательств, а нередко соответствующей информацией располагает лишь государство-участник (пункт 7.4 Соображений).

Расследование случаев применения насилия, о которых сообщают ребенок, какой-либо его представитель или третья сторона, должно проводиться квалифицированными специалистами, прошедшими специализированную и всестороннюю подготовку, и требует применения подхода, опирающегося на учет прав и особенностей ребенка. Серьезное, но учитывающее особенности детей разбирательство помогает обеспечивать надлежащее выявление случаев применения насилия и находить доказательства для проведения административного, гражданского, обеспечивающего защиту детей и уголовного производства. Комитет напоминает о том, что это обязательство касается не результата, а средств.

или в официальных учреждениях дневного ухода за детьми старшего возраста (пункт 3.2 Соображений).

Власти должны предпринять доступные им разумные меры для обеспечения доказательств, касающихся инцидента. Кроме того, расследование должно проводиться оперативно и в разумные сроки (пункт 7.6 Сообщений).

Расследование случая жестокого обращения с ребенком должно быть эффективным в том смысле, что оно должно привести к установлению того, подвергался ли автор телесным наказаниям в детском саду, и к выявлению виновных (пункт 7.6 Сообщений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: необходимо было определить, являются ли предполагаемое телесное наказание, которому автор подвергся 24 января 2017 года от рук своей воспитательницы, и предполагаемое отсутствие эффективного расследования такого обращения нарушением государством-участником своих обязательств по статье 19 Конвенции (пункт 7.3 Сообщений).

Относительно материального элемента статьи 19 Конвенции о правах ребенка Комитет отметил, что автор поступил в детский сад утром 24 января 2017 года без каких-либо признаков травмы на лице. Однако, когда его мать пришла забирать его домой в тот день, у него были фиолетовые синяки на мочках левого и правого уха, на правой щеке и левой нижней челюсти. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы и рассказу самого автора, травмы были получены в результате того, что его ударила и таскала за уши воспитательница в детском саду (пункт 7.4 Сообщений).

Комитет установил, что автор сообщения был взят под опеку государственного детского сада без каких-либо ранее существовавших травм на лице. Не было представлено никакого правдоподобного объяснения травм его ушей и лица, предположительно вызванных наказанием воспитателем государственного детского сада на территории детского сада и в то время, когда автор находился под опекой государственного учреждения. Комитет счел, что описание автором обращения, которому он предположительно подвергся со стороны персонала детского сада, являлось подробным и последовательным. Оно частично подтверждалось свидетельским показанием бабушки другого ребенка, которая показала, что воспитательница часто применяла телесные наказания к ее внуку. Заявление воспитательницы автора о том, что ребенок мог страдать от аллергии, не подкреплены никакими доказательствами. В заключении судебно-медицинской экспертизы от 27 января 2017 года указано, что травмы были нанесены тупым предметом, без упоминания о том, что они могли быть следствием аллергии. На основе всех представленных ему материалов и в свете того, что власти государства-участника не смогли представить альтернативное объяснение, Комитет резюмировал: обращение, которому подвергся автор, было формой насилия в отношении ребенка, как это определено в статье 19 Конвенции о правах ребенка. Учитывая особую уязвимость автора как ребенка в возрасте 3,5 лет, статус воспитательницы, обладавшей властью и контролем над автором, а также роль детского сада, в обеспечении базовой государственной услуги, представлявшей общий интерес и заключающейся в заботе о детях и

их образовании, Комитет счел, что государство-участник не приняло во внимание травмы, полученные автором, когда он находился под опекой государственного детского сада, и поэтому ответственность государства-участника за его травмы наступает в соответствии со статьей 19 (пункт 1) Конвенции (пункт 7.5 Соображений).

Комитет подчеркнул, что, хотя автор был опрошен специализированным следователем в присутствии своего отца и психолога, государство-участник не указало, велась ли видеозапись этого опроса с целью сохранения показаний ребенка для их возможного использования в последующих судебных разбирательствах и был ли ребенок проинструктирован о важности говорить правду. Комитет далее отметил, что, хотя полиция без промедления начала уголовное расследование, следственным органам потребовалось почти 10 месяцев, чтобы заслушать двух сотрудников, которые жаловались на обвиняемую воспитательницу, и 15 месяцев, чтобы связаться с родителями, чьи дети находились под наблюдением той же воспитательницы. Государство-участник не объяснило эти задержки. Комитет указал, что только 22 августа 2018 года, то есть спустя 19 месяцев после инцидента, адвокату автора сообщения было разрешено ознакомиться с материалами дела. Наконец, Комитет подчеркнул, что по прошествии более пяти лет после инцидента расследование все еще продолжается без какого-либо значимого продвижения. Независимо от возможного окончательного итога расследования и без рассмотрения вопроса о том, были ли информация и доказательства, содержащиеся в материалах дела, достаточными для возбуждения уголовного разбирательства, Комитет счел, что расследование не отвечало стандартам оперативности и эффективности (пункт 7.7 Соображений).

Выводы Комитета: национальные власти не приложили должных усилий и не провели оперативного и эффективного расследования предполагаемых телесных наказаний в нарушение обязательств государства-участника по статье 19 Конвенции о правах ребенка (пункт 7.8 Соображений).

Переведенные на русский язык тексты Соображений Комитета ООН по правам ребенка размещены в соответствующем разделе официального сайта Организации Объединенных Наций:

Режим доступа:

URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/HumanRightsBodies.aspx>.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.